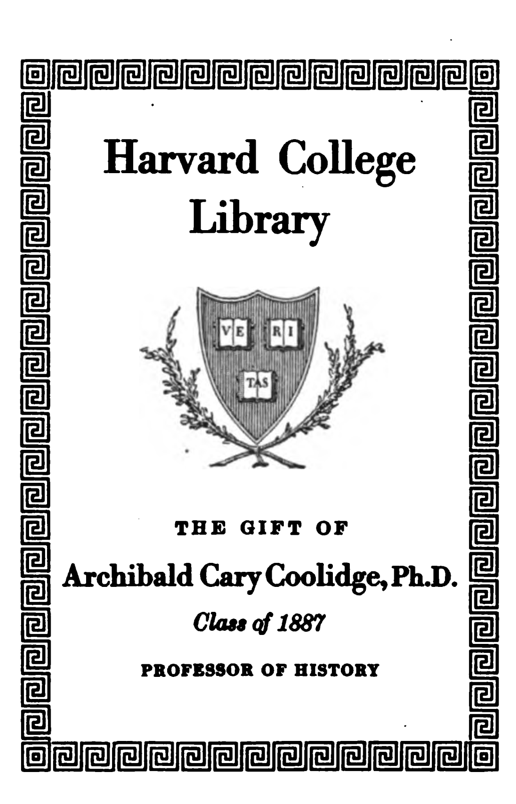
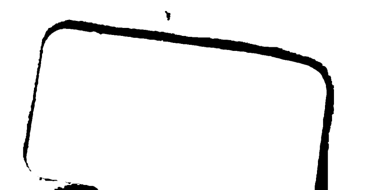

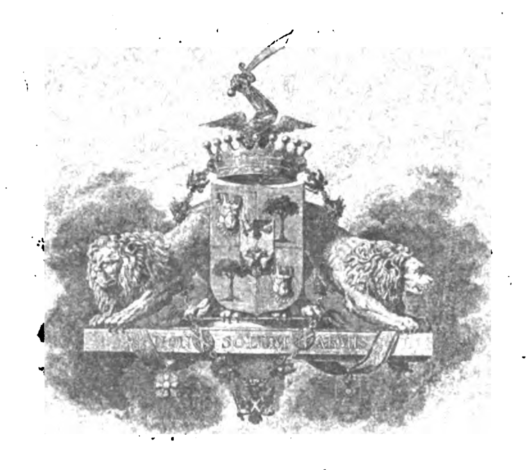
Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи.

Торжественное засѣданіе

въ память

Графа Н. П. Румянцова,

3 Апрѣля 1897 г.

МОСКВА.

1897.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи.

Торжественное засѣданіе

въ память

Графа Н. П. Румянцова,

3 Апрѣля 1897 г.

МОСКВА.

—

1897.

Печатать разрѣшаю. Сентября 15 дня 1897 г.

Директоръ Музеевъ *М. Веневитиновъ.*

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слободки, за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д. 2 ст. Московск. уѣзда.

I.

Графъ Николай Румянцовъ

3-го апрѣля 1897 года, въ годовщину рожденія основателя Румянцовскаго Музея, Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова, въ читальномъ залѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ происходило торжественное засѣданіе въ присутствіи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ ѲЕОДОРОВНЫ, свиты ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ, Почетныхъ Опекуновъ, Губернатора, Вице-Губернатора, Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, профессоровъ университета, начальствующихъ въ Москвѣ лицъ и почетныхъ посѣтителей.

Имена лицъ, посѣтившихъ засѣданіе, вписаны собственноручно въ книгу посѣтителей подъ рубрикою «Годичное торжественное засѣданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ 3-го апрѣля 1897 года».

*Актъ открылся вступительнымъ словомъ директора М. А. Веневитинова, за которымъ слѣдовали: чтеніе отчета музеевъ за 1896 годъ *) и статьи хранителя отдѣленія рукописей С. О. Долгова Памяти графа Николая Петровича Румянцова», прочтенной авторомъ. Затѣмъ хранитель Дашковскаго Этнографическаго Музея В. Ѳ. Миллеръ давалъ объясненія выставленной коллекціи по шаманству у Гольдовъ, принесенной въ даръ музеямъ дѣлопроизводителемъ Пріамурскаго генералъ-губернатора П. П. Шимкевичемъ.*

---

*) *Отчетъ напечатанъ особою брошюрой, почему и не помѣщенъ въ настоящемъ изданіи.*

За недостаткомъ времени статья помощника библіотекаря Н. А. Янчука «Старое Ваганьково и домъ бывшій Пашкова» не была прочтена и помѣщается въ настоящемъ изданіи.

Настоящее изданіе сочтено удобнымъ дополнить прибавленіями: № 1, объясняющимъ происхожденіе приложеннаго на табл. I портрета графа Н. П. Румянцова и № 2, устанавливающимъ годъ и день его рожденія.

I.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ ДИРЕКТОРА МУЗЕЕВЪ М. А. ВЕНЕВИТИНОВА.

Установленіе даты 3 апрѣля 1754 года, какъ дня рожденія Канцлера Графа Н. П. Румянцова, дало возможность управленію Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ избрать нынѣшній день для открытія своихъ торжественныхъ засѣданій, посвященныхъ ежегодному обзору своей жизни и дѣятельности.

Не связанные никакими условіями многолѣтнихъ сроковъ, отчетные періоды дѣятельности музеевъ включаются въ рамки одного года и по своему характеру пріурочиваются всего болѣе къ тѣмъ срокамъ, которые принято называть академическими. Кромѣ того, щедрыя приношенія, безпрерывно обогащающія научное и художественное достояніе музеевъ, накопляютъ за ними долгъ признательности передъ жертвователями и выраженіе этого долга не должно терпѣть отсрочки. Вотъ, почему управленіе музеевъ поставило себѣ задачею измѣнить порядокъ представленія своихъ печатныхъ отчетовъ и сдѣлать ихъ болѣе частыми, пріурочивая ихъ къ ежегоднымъ срокамъ, вмѣсто трехлѣтнихъ, какъ было до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признано полезнымъ не ограничивать торжественные акты музеевъ однимъ сухимъ перечнемъ событій ихъ внѣшней дѣятельности за истекшій годъ, а оживлять засѣданія сообщеніемъ результатовъ внутренней жизни учрежденія въ видѣ научныхъ изслѣдованій, основанныхъ на принадлежащихъ ему источникахъ и матеріалахъ. Изложенными соображеніями руководствовалось управленіе музеевъ при установленіи програмы нынѣшняго торжества.

Открывая свои годичные акты, Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи вполнѣ естественно должны начать исполненіе долга своей признательности съ воспоминанія о своемъ первоначальномъ основателѣ, о графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцовѣ. Имя этого мецената еще не достаточно извѣстно русскому обществу. Знакомство съ нимъ обыкновенно ограничивается признаніемъ его заслугъ, какъ щедраго поощрителя научныхъ интересовъ, какъ ревностнаго собирателя книгъ, рукописей и рѣдкихъ предметовъ археологіи, этнографіи и естественныхъ наукъ, какъ основателя Румянцовскаго Музея. Но мѣсто и значеніе графа Румянцова въ исторіи Россіи не исчерпывается предѣлами его меценатства. Дипломатъ, министръ Иностранныхъ Дѣлъ, директоръ Путей Сообщенія, министръ Торговли, канцлеръ, — на всѣхъ поприщахъ предлежавшей ему дѣятельности онъ оставилъ яркіе, прочные слѣды своихъ просвѣщенныхъ и плодотворныхъ заботъ, направленныхъ ко благу отечества. И вотъ, съ этой-то широкой, всеобъемлющей точки зрѣнія жизнеописаніе графа Н. П. Румянцова еще недостаточно освѣщено его біографами въ связи съ общими условіями его вѣка. Онъ до сихъ поръ привлекалъ къ себѣ вниманіе преимущественно археологовъ, изслѣдователей древностей, историковъ русскаго права и русской словесности, произведенія которыхъ въ рукописныхъ изданіяхъ увидѣли свѣтъ благодаря его щедротамъ. Но всестороннее выясненіе общественно-историческаго облика знаменитаго канцлера до сихъ поръ представляетъ собою еще задачу будущаго. Музею, носящему имя графа Румянцова, выпадаетъ сегодня благопріятный случай напомнить объ этой задачѣ. Предоставляя одному изъ слѣдующихъ ораторовъ слово для выясненія необходимости составленія полной біографіи графа Николая Петровича Румянцова, я позволю себѣ нѣсколько остановиться на опредѣленіи того значенія, какое созданный имъ музей занимаетъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и на указаніи того мѣста, которое отведено этому музею среди подобныхъ же учрежденій города Москвы.

Съ вышки Пашковскаго дома открывается на Москву поразительный по красотѣ видъ. Внизу, подъ ногами, разстилается Александровскій садъ, а за нимъ взоръ поражается живописною картиною Кремля, съ его ветхою стѣною, съ

его громадами дворца, съ куполами соборовъ и колоколенъ, съ причудливыми башнями, верхушки которыхъ видны отсюда почти всѣ. Но прелесть вида не ограничивается мѣстностью Кремля, и съ бельведера Пашковскаго дома можно обозрѣть весь необъятный городъ, даже съ его ближайшими окрестностями. Среди безчисленныхъ построекъ, пересѣкаемыхъ сѣтью улицъ, надъ плоскимъ однообразіемъ крышъ домовъ, нарушаемыхъ стрѣлами колоколенъ и куполами церквей, взоръ зрителя различаетъ очертанія внушительныхъ по размѣрамъ зданій, посвященныхъ такъ же, какъ и Румянцовскій Музей, цѣлямъ *благаго просвѣщенія*.

Зданія эти начинаются съ заостренныхъ крышъ Историческаго Музея, за которыми съ одной стороны видны верхняя часть Политехническаго Музея, а съ другой фронтонъ Большаго театра. Ближе, передъ театромъ, тянутся длинные контуры стараго и новаго Университетовъ, а лѣвѣе возстаетъ будущій фасадъ Музыкальной Консерваторіи. Повернемся направо и тамъ мы увидимъ такіе же дворцы наукъ и искусствъ, такіе же храмы человѣколюбія.

На томъ берегу рѣки выступаютъ Городская, Голицынская больницы, различаются кровли Третьяковской галлереи и цѣлый рядъ пріютовъ и богадѣленъ. Передъ храмомъ въ память 1812 года разстилается площадь Колымажнаго двора, предназначенная для Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III, и наконецъ панораму замыкаетъ внушительный фасадъ Воспитательнаго Дома.

Всѣ эти храмы благотворительности, всѣ эти дворцы наукъ и искусствъ окружаютъ Кремль тѣснымъ кольцомъ и достоинствомъ своей архитектуры соперничаютъ съ самобытнѣйшими произведеніями древняго русскаго зодчества, а своимъ внутреннимъ историческимъ смысломъ ярко свидѣтельствуютъ о благихъ плодотворныхъ послѣдствіяхъ преобразовательной и просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и его преемниковъ на русскомъ престолѣ. Вмѣсто неприступной твердыни, въ старину грозной врагамъ Руси, Кремль въ своей, нынѣ исключительно мирной, жизни является центромъ, около котораго стремятся сплотиться роскошные пріюты человѣколюбія и художественной красоты.

Помѣщенный въ одномъ изъ изящнѣйшихъ зданій не только города, но и всей Россіи, Румянцовскій Музей первый открылъ собою цѣлый рядъ подобныхъ же учрежденій въ Москвѣ и въ порядкѣ времени имѣетъ преимущество старшинства предъ всѣми прочими Московскими общественными музеями. Перевезенный сюда изъ Петербурга въ основномъ составѣ библіотеки и коллекцій, собранныхъ неутомимою энергіею и на щедрыя средства канцлера Румянцова, онъ сразу сдѣлался общественнымъ достояніемъ Москвы, сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ревнителей просвѣщенія и, благодаря непрерывающимся жертвамъ русскихъ людей, быстро разросся въ такое богатое хранилище предметовъ наукъ и искусствъ, что Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ уже становится тѣсно въ отведенныхъ имъ пространствахъ. Какъ яркое свидѣтельство глубокаго сознанія русскимъ обществомъ своихъ просвѣтительныхъ задачъ, какъ первый примѣръ общественнаго почина въ сохраненіи драгоцѣнныхъ сокровищъ прошлаго и настоящаго, Румянцовскій Музей только въ Москвѣ нашелъ благодарную почву для выполненія своего прямаго назначенія. Въ Петербургѣ онъ служилъ роскошнымъ памятникомъ своему основателю, здѣсь же въ Москвѣ ему выпала завидная доля заложить сѣмена общественнаго развитія въ области просвѣщенія и на новомъ поприщѣ онъ уже успѣлъ вмѣстить въ своихъ стѣнахъ многіе плодотворные всходы этихъ сѣмянъ.

Такое значеніе Румянцовскаго Музея возлагаетъ на его управленіе обязанность глубокой признательности Москвѣ за облегченіе и расширеніе его коренныхъ задачъ, за плодотворное содѣйствіе цѣлямъ *благаго просвѣщенія*. Мы исполнили часть этой обязанности сегодня утромъ, воздавъ въ молитвѣ вѣчную память основателю музея графу Николаю Петровичу Румянцову и его славнымъ сотрудникамъ. Мы помянули покойныхъ уже дѣятелей и работниковъ, которымъ музеи обязаны своимъ развитіемъ. За прошлый годъ мы должны прибавить въ нашъ скорбный перечень утратъ имена: стоявшаго много лѣтъ во главѣ учрежденія Василія Андреевича Дашкова, обогатившаго музеи рядомъ спеціальныхъ коллекцій по этнографіи и по изображеніямъ русскихъ дѣятелей, и нашего почетнаго члена барона Ѳеодора Андреевича Бюлера.

Почтивъ данью благодарной памяти почившихъ благотворителей и тружениковъ музеевъ, намъ предстоитъ теперь выполнить прямой долгъ признательной совѣсти передъ русскимъ обществомъ и многочисленными жертвователями въ пользу нашего учрежденія. Эта польза дорога всѣмъ москвичамъ, всей просвѣщенной Россіи, представители которой въ такомъ значительномъ числѣ сдѣлали намъ сегодня честь своимъ присутствіемъ. Бьемъ челомъ и низко кланяемся имъ за участіе и сочувствіе къ одушевляющей насъ общей цѣли и, въ надеждѣ на ихъ дальнѣйшее вниманіе, дадимъ имъ отчетъ въ событіяхъ нашей жизни за прошлый годъ.

II.

ПАМЯТИ ГРАФА Н. П. РУМЯНЦОВА.

Въ памятный 1812 годъ, наканунѣ вторженія Наполеоновыхъ полчищъ въ Россію, государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ отправился вслѣдъ за государемъ въ Вильно. По дорогѣ онъ опасно занемогъ. Болѣзнь свою онъ считалъ послѣдствіемъ простуды, а лейбъ-хирургъ Виллье, пользовавшій его,—посѣщеніемъ паралича. Что бы это ни было, но положеніе канцлера было серьезно: онъ еле двигался, онъ совсѣмъ потерялъ слухъ, «не предвѣщаютъ ему эскулапы долгой жизни», писалъ о немъ И. П. Оденталь, чиновникъ петербургскаго почтамта, точно передававшій А. Я. Булгакову всѣ городскія новости и событія. Но канцлеръ въ эту бѣдственную годину для Россіи не считалъ себя въ правѣ оставить свой постъ: сколько было силы, сколько позволяли обстоятельства, послужилъ еще родинѣ; заключалъ договоры съ немногими европейскими державами, еще смѣвшими противостоять Наполеону,—Англіей, Испаніей, Швеціей. Только тогда, когда непріятель былъ изгнанъ изъ отечества, когда могущество Наполеона было сломлено, тогда и больной канцлеръ слагаетъ съ себя обязанности, взываетъ къ государю объ отставкѣ. Получивъ послѣ неоднократныхъ ходатайствъ увольненіе, при чемъ ему сохранено было полное жалованье, онъ жертвуетъ послѣднее въ пользу инвалидовъ, а самъ посвящаетъ всю остальную жизнь, всѣ свои силы и средства на служеніе отечеству на поприщѣ, если не столь видномъ, какъ прежде, то столь же славномъ—покровителя просвѣщенія. «Безъ преувеличенія можно сказать», пишетъ одинъ изъ нашихъ историковъ, «въ этотъ періодъ времени (1814—1826)

дѣятельность глухаго, хилаго старца, какимъ былъ тогда гр. Николай Петровичъ, совмѣщала въ себѣ труды, обыкновенно раздѣляемые между нѣсколькими учеными обществами: въ немъ одномъ и въ его сотрудникахъ, имъ же розысканныхъ, его умомъ и обширными свѣдѣніями руководимыхъ,—совмѣщалась дѣятельность обществъ: археографическаго, историческаго и археологическаго, изъ которыхъ въ то время Россія имѣла только *одно*—«Общество исторіи и древностей» [1]). Этотъ періодъ дѣятельности графа Румянцова и его сотрудниковъ заслуженно называется у насъ «Румянцовской эпохой». Результаты этой дѣятельности выразились и нравственно—въ пробужденіи интереса къ прошлому Россіи, къ сохраненію, обнародованію и всестороннему изученію этого прошлаго, въ объединеніи, ободреніи научныхъ силъ той эпохи, выразились и матеріально—во многихъ важнѣйшихъ изданіяхъ (изъ которыхъ назовемъ самое монументальное—Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ), выразились въ созданіи Румянцовскаго Музея, завѣщаннаго канцлеромъ *«на благое просвѣщеніе»*.

Этотъ же періодъ жизни и дѣятельности гр. Н. П. Румянцова, если не вполнѣ, то все же въ достаточной степени освѣщенъ и оцѣненъ въ изслѣдованіяхъ и біографическихъ очеркахъ Иконникова, Терещенка, Кочубинскаго, Корша, Барсова и въ изданіяхъ обширной переписки канцлера съ его сотрудниками и руководителями по изданіямъ. Менѣе изслѣдована, а отчасти и совсѣмъ неизвѣстна предшествующая его дѣятельность на видныхъ и разнообразныхъ постахъ государственнаго служенія.

Не задаваясь здѣсь многимъ, такъ какъ большинство матеріаловъ для изученія этой эпохи въ жизни графа не опубликованы, мы постараемся предложить лишь краткій обзоръ главныхъ моментовъ жизни и дѣятельности гр. Румянцова до времени его отставки и до поры его служенія единственно на благо отечественнаго просвѣщенія.

Графъ Николай Петровичъ, сынъ знаменитаго полководца Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, родился 3 ап-

---

[1]) Письма гр. Н. П. Румянцова къ В. Н. Берху. Изданіе Археографической Коммиссіи. Спб. 1876. Предисловіе М. И. Семевскаго, стр. 4—5.

рѣля 1754 г.[1]). О первоначальномъ воспитаніи графа сохранилось только весьма краткое извѣстіе въ запискахъ его брата Сергѣя Петровича[2]): происходило оно, главнымъ образомъ, въ Москвѣ подъ руководствомъ «тогдашнихъ французскихъ учителей». Но главной воспитательницей въ этотъ періодъ жизни Николая Петровича, несомнѣнно, была его мать — гр. Екатерина Михайловна, урожденная кн. Голицына. Довольно несчастная въ семейной жизни, она, судя по письмамъ ея къ мужу, представляла собой образецъ любящей жены и матери; почти совсѣмъ отвергнутая мужемъ, она внушала сыновьямъ чувство глубокаго почтенія къ отцу, она сохранила себѣ уваженіе мужа, несмотря на его нелюбовь къ себѣ, и воспитала гуманнаго, образованнаго будущаго канцлера. Въ 1771 году оба брата съ матерью графиней Екатериной Михайловной прибыли въ Петербургъ и были представлены ко двору. Заслуги отца и собственные таланты скоро открыли молодымъ людямъ доступъ въ интимный кружокъ императрицы: изъ молодежи, читаемъ въ тѣхъ же запискахъ «токмо два графа Румянцовы» приглашались въ Эрмитажъ на извѣстныя литературныя собранія. Здѣсь они познакомились съ барономъ Гриммомъ, который взялся отвезти ихъ въ Голландію для поступленія въ Лейденскій университетъ.

Прежде, чѣмъ выбрать за границей мѣсто высшаго образованія молодыхъ графовъ, навели справки у родовитаго русскаго юноши, незадолго передъ тѣмъ отправленнаго съ тою же цѣлью въ Лейденъ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, двоюродный братъ Румянцовыхъ, такъ обстоятельно описалъ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему запросъ, и самый Лейденъ, его университетскую жизнь и свой домашній обиходъ въ Лейденѣ, такъ расхвалилъ профессоровъ, свои занятія, что несомнѣнно повліялъ на отправленіе графовъ Румянцовыхъ именно въ Лейденъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсказъ Куракина такъ обстоятеленъ, что вполнѣ рисуетъ намъ всю обстановку домашней жизни и всѣ тѣ научные способы и

---

[1]) Во всѣхъ біографіяхъ не указанъ день рожденія гр. Н. П. Румянцова. Мы опредѣляемъ его по письму Румянцова къ Малиновскому отъ 3 апр. 1819 года, которое начинается такъ: «Я въ самый день рожденія своего благодарю васъ за письмо и пр.» (см. приложеніе № 2).

[2]) Русскій Архивъ 1869 г., стр. 841 и сл.

силы, которые нашли Румянцовы въ этомъ городѣ. Интересно остановить вниманіе на нѣкоторыхъ подробностяхъ разсказа князя Куракина. По словамъ его, иностранецъ, прибывшій въ Лейденъ, находитъ тамъ три или четыре трактира самаго лучшаго сорта, чтобы тамъ остановиться, но Куракинъ совѣтуетъ Румянцовымъ лучше нанять отдѣльный домъ и рекомендуетъ занять тотъ самый домъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ г. де-Сальдерномъ и графомъ Шереметевымъ. Это была гостиница «Голландскій дворъ»; она находилась на Брейтштрассе, самой людной и самой красивой улицѣ Лейдена. Куракинъ съ товарищами занимали весь домъ за 1200 флориновъ въ годъ, съ условіемъ, чтобы хозяинъ во время ихъ житья не прекращалъ своего занятія, т. е. наблюдалъ бы за домомъ, готовилъ на нихъ и т. п. Домъ этотъ былъ угловой и обѣ части его соединялись корридоромъ; одну занималъ де-Сальдернъ, другую Шереметевъ съ Куракинымъ. Куракинъ рекомендуетъ Румянцовымъ занять свою: тамъ есть четыре большихъ компаты, говоритъ онъ, по двѣ въ каждомъ этажѣ, и три комнаты для прислуги. Фамилія хозяина Nagelswoorth. Куракинъ очень расхваливаетъ хозяина. «Въ продолженіе 15 мѣсяцевъ, которые мы прожили у него, онъ не подавалъ намъ никакого повода къ неудовольствію, напротивъ, онъ всячески старался во всемъ предупредить наше желаніе. Чтобы поддержать его такія благія намѣренія, требуется только одно, именно—быть до послѣдней степени аккуратнымъ въ расплатѣ съ нимъ, и мы аккуратно платили ему по прошествіи мѣсяца все, что слѣдовало съ насъ за наемъ и за столъ». Столъ вообще былъ хорошъ и не дорогъ. Въ обыкновенные дни 1½ флорина съ человѣка за обѣдъ и 1 фл. за ужинъ; само собою разумѣется, безъ вина. Когда были гости, то прибавка въ ½ фл. была вполнѣ достаточна, чтобы улучшить блюда и увеличить ихъ число: обычно ихъ подавалось 6 за обѣдомъ и 4 за ужиномъ. Вино и пиво приходилось покупать самимъ. Но при покупкѣ вина, какъ равно и другихъ припасовъ, дѣлалась извѣстная скидка тѣмъ, кто принадлежалъ къ составу университета. Поэтому Куракинъ совѣтуетъ Румянцовымъ съ самаго начала отправиться къ ректору (ad rectorem magnificum) и просить его вписать ихъ въ книгу въ число студентовъ. Правда, это присоединеніе къ студенческой корпораціи составляло нѣко-

торый расходъ (6 дукатовъ ректору и 2 педелю), но за то студенты пользовались скидкой противъ таксы на продукты и необходимые предметы и другими важными преимуществами, напримѣръ, они подлежали только академическому суду за извѣстнаго рода проступки, а не общему.

Столь же обстоятеленъ и интересенъ разсказъ Куракина объ университетскихъ порядкахъ въ Лейденѣ, о профессорахъ и ихъ занятіяхъ со студентами.

Во всѣхъ германскихъ университетахъ, разсказываетъ Куракинъ, профессора читаютъ курсы общіе и приватные. Публичныя коллегіи это тѣ, которыя профессоръ читаетъ по должности. Всѣ студенты, которые пожелаютъ ихъ слушать, принимаются сюда за очень умѣренную плату. Въ Лейденѣ, напримѣръ, за весь курсъ отъ начала до конца—6 дукатовъ. Курсы читаются на латинскомъ языкѣ. Collegia privata и privatissima, т. е. курсы частные, доставляютъ экстраординарный доходъ профессорамъ, а потому профессора въ нихъ проявляютъ бóльшую внимательность и бóльшую ученость. Но они обходятся дорого. Въ Лейденѣ приватный колледжъ обыкновенно стоилъ 100 дукатовъ, а если профессоръ выказывалъ особенную ревность и слушатели желали ему выразить за то свою благодарность, то сверхъ платы дѣлали ему еще подарокъ. За то на privata слушатель пользовался преимуществами: кромѣ того, что курсы были лучше, они читались на томъ языкѣ, который былъ болѣе знакомъ слушателямъ: профессоръ позволялъ задавать ему вопросы и дѣлать возраженія; происходили такимъ образомъ диспуты, предметъ которыхъ выбирался съ общаго согласія и изслѣдовался сообща. Поэтому Куракинъ особенно настаиваетъ, чтобы Румянцовы слушали privata.

Вотъ составъ профессоровъ и учителей Куракина, очевидно потомъ и Румянцовыхъ.

Г-нъ де-Фассъ, учитель математики. Онъ стоилъ мнѣ по договору 260 флориновъ, сообщаетъ Куракинъ.

Г-нъ Керру былъ моимъ учителемъ латинскаго и французскаго языка. Я его рекомендую моимъ кузенамъ, какъ человѣка очень внимательнаго къ своимъ обязанностямъ и очень свѣдущаго въ изящной словесности. Онъ беретъ 2 дуката въ мѣсяцъ.

Г-нъ Количи, преподаватель итальянскаго языка, весьма талантливъ; онъ имѣетъ также большія свѣдѣнія въ музыкѣ, учитъ играть на клавесинѣ; цѣна его также отъ 2-хъ дукатовъ въ мѣсяцъ.

Особенно же Куракинъ расхваливаетъ профессора Пестеля, котораго слушали впослѣдствіи и Румянцовы. Онъ преподавалъ естественное право и имѣлъ большое вліяніе на своихъ слушателей. Несомнѣнно, гуманные взгляды Пестеля, проводимые имъ въ лекціяхъ, запали въ душу Николая Румянцова. Пестель въ своихъ лекціяхъ задавался такими широкими вопросами, самая постановка которыхъ уже рисовала его гуманную натуру и объясняла его вліяніе на слушателей. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько такихъ вопросовъ:

I. Какимъ образомъ люди могутъ прожить счастливо, не смотря на зависимость свою отъ разныхъ причинъ, не подчиняющихся ихъ волѣ, будутъ ли они при этомъ жить въ уединеніи или же среди этого всемірнаго общества, которое природа образовала, чтобы дать каждому возможность наслаждаться высшимъ счастіемъ, помогая другъ другу въ ихъ взаимной нуждѣ?

II. Каковы права и обязанности относительно другихъ у разныхъ народовъ?

III. Какіе слѣдуетъ предписывать законы, чтобы сдѣлать народъ счастливымъ и регулировать отношенія гражданъ не только другъ къ другу, но и къ иностранцамъ и т. п..?

Вообще Пестель, судя по содержанію его лекцій и по письмамъ его къ Куракину, производитъ впечатлѣніе человѣка убѣжденнаго, весьма гуманнаго, широко образованнаго. Рекомендуя его Румянцовымъ, Куракинъ пишетъ: «Умъ его, честность и усердіе по отношенію къ тѣмъ, которые довѣряются его заботамъ, всѣми признаны и доказаны. Знанія его обширны и глубоки, репутація его блестяща, сердце чувствительно въ высшей степени и онъ способенъ къ самой искренней дружбѣ». Несомнѣнно, такой профессоръ глубоко и благотворно повліялъ на воспріимчивую и мягкую натуру Николая Петровича Румянцова.

Въ 1774 году Румянцовы прослушали въ Лейденскомъ университетѣ политическія науки (право и исторію), а въ слѣдующемъ году отправились съ Гриммомъ путешествовать

по Швейцаріи и Италіи. Въ Женевѣ они видѣлись съ престарѣлымъ Вольтеромъ, который младшему, болѣе ловкому и свѣтскому гр. Сергѣю Петровичу сказалъ: «вы, сударь, далеко пойдете». Старшій, серьезный и вдумчивый гр. Николай Петровичъ возвратился изъ этого путешествія, уже нѣсколько подготовивъ себя къ дипломатическому поприщу, которое избралъ впослѣдствіи по волѣ отца. По возвращеніи Румянцовы были приняты ко двору и пожалованы камергерами, а въ 1776 году старшій былъ посланъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о второмъ бракѣ в. к. Павла Петровича, потомъ черезъ три года уже назначенъ на весьма важный постъ чрезвычайнаго и полномочнаго министра нашего при Германскомъ сеймѣ. Съ барономъ Гриммомъ Румянцовъ послѣ перваго путешествія долгое время находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Къ сожалѣнію неизвѣстны теперь тѣ письма барона Гримма къ гр. Николаю Петровичу, на которыя ссылается гр. Сергѣй Петровичъ въ своей автобіографіи, но о дружбѣ ихъ можно судить по перепискѣ Гримма съ императрицей Екатериной. Напримѣръ, въ январѣ 1781 г. Гриммъ въ такихъ выраженіяхъ хлопочетъ, чтобы императрица назначила Румянцова посланникомъ въ Парижъ: «Здѣсь всѣ увѣряютъ, что князь Барятинскій не возвратится... Если это такъ будетъ, то я осмѣливаюсь на колѣняхъ просить у Вашего Величества назначить его преемникомъ графа Николая Румянцова. Я съ полной увѣренностью могъ бы прозакладывать свою жизнь въ томъ, что онъ окажется достойнымъ императорской милости, а я... я насладился бы величайшимъ счастіемъ, на которое я еще способенъ въ изгнаніи»[1]).

Въ виду этой дружбы Гримма съ Румянцовымъ императрица, очень характерно окрестившая въ своихъ письмахъ Румянцова прозвищемъ St. Nicolas, черезъ десять лѣтъ послѣ приведеннаго письма находитъ даже нужнымъ дать совѣтъ Гримму: «Будьте такъ добры, посовѣтуйтесь съ St. Nicolas о колоннадѣ, но никогда не показывайте ему глупости, которыя я вамъ пишу: онъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы находить въ нихъ удовольствіе» [2]).

---

[1]) Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1886, стр. 133.
[2]) Письмо къ Гримму отъ іюня 1791 г.

Руководимый великой Екатериной, съ тѣхъ поръ какъ она сама стала управлять иностранными сношеніями Россіи, Румянцовъ шестнадцать лѣтъ занималъ трудную и отвѣтственную должность нашего полномочнаго министра при Германскомъ сеймѣ. Столь долгое пребываніе его на этомъ посту уже само по себѣ служитъ ручательствомъ за его умѣлыя дѣйствія, сообразныя съ намѣреніями императрицы, которая желала занимать германскихъ владѣтелей ихъ домашними дѣлами и, пользуясь соперничествомъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ, отвлекать ревнивые взоры Запада отъ событій Востока. Румянцовъ оправдалъ довѣріе императрицы. Историкъ, занимавшійся этимъ періодомъ, такъ характеризуетъ нашего посланника и его донесенія: «Уже въ описываемое время видно было, что это развитой и даровитый человѣкъ. Его депеши написаны живо, съ участіемъ къ предмету; онѣ изобилуютъ мѣткими наблюденіями и характеристиками. На основаніи ихъ можно отчетливо обрисовать типъ фюрста и имперскіе порядки» [1]). Многочисленныя и обширныя депеши эти хранятся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; было бы очень важно имѣть полное ихъ изданіе, какъ для характеристики того времени и дѣятелей его, такъ и для характеристики самого Румянцова. Въ нихъ Румянцовъ является не только простымъ наблюдателемъ, отмѣчавшимъ извѣстныя событія, слова и поступки разныхъ лицъ, но и самостоятельнымъ изслѣдователемъ, изучившимъ хорошо среду, гдѣ приходилось дѣйствовать, и обобщавшимъ свои наблюденія. Вотъ, напримѣръ, какъ расширяетъ онъ задачу своихъ донесеній въ депешѣ Остерману. «Доселѣ, пишетъ онъ, не понимаютъ имперіи, потому что судятъ о ней или лица, принадлежащія къ ней и слѣдовательно заинтересованныя, или же французы—плохіе наблюдатели, вслѣдствіе ихъ суетливости. А Германію нельзя наблюдать *безъ изученія то скучнаго и тяжелаго, то безполезнаго*». И Румянцовъ, на основаніи своихъ наблюденій, дѣлаетъ здѣсь общую характеристику имперіи; онъ даже вызывается на большее: «если вы одобрите этотъ мой опытъ, заключаетъ онъ донесеніе свое Остерману, то я

[1]) *А. Трачевскій*: Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II. Спб. 1877, стр. 68.

примусь за картину, *которую уже давно обдумываю:* я начерчу портретъ принцевъ, ихъ министровъ и людей, имѣющихъ малѣйшее вліяніе въ имперіи» [1]). Но кромѣ внимательнаго наблюденія за германскими дѣлами и вѣрнаго, можетъ быть слишкомъ подробнаго донесенія о нихъ, такъ что Екатерина могла почти собственными глазами слѣдить за самыми мелочами, Румянцовъ, когда нужно, умѣлъ и дѣйствовать. Фридрихъ II не даромъ не могъ равнодушно говорить о Румянцовѣ и назвалъ его «дьяволомъ и бѣшенымъ человѣкомъ».

Положеніе нашего министра при Германскомъ сеймѣ, среди столкновеній противоположныхъ интересовъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ и массы мелкихъ, при оберегапіи достоинства и интересовъ Россіи, говоря вообще, было довольно затруднительно, и Румянцовъ не безъ основанія ставилъ это на видъ своему другу Безбородко: «гдѣ царствуетъ духъ пристрастія, гдѣ умѣренности никаковой не знаютъ и между ненависти и слѣпого прилѣпленія видятъ одну только черту, гдѣ необходимо должно слыть или прусскимъ или вѣнскимъ адгерентомъ,—тутъ, кажется, россійскаго министра роля не легка». Но затрудненія эти еще болѣе увеличиваются, когда изъ Россіи то шлютъ ему замѣчанія за длинноту депешъ, то долго не отвѣчаютъ и не исполняютъ его просьбъ. Онъ, напримѣръ, просилъ объ отвѣтѣ герцогу Віортембергскому, а Безбородко долго не исполняетъ этой просьбы, такъ что вызываетъ со стороны Румянцова такое горькое замѣчаніе: «Служба Ея И. Величества отъ такого небреженія въ здѣшнемъ краю пострадать можетъ.—Я только что объ отвѣтѣ прошу, иной бы просилъ, статься можетъ, мѣховъ или другихъ каковыхъ подарковъ, означающихъ монаршее благоволеніе». Румянцовъ никогда не былъ искателенъ и со справедливой гордостью могъ такъ замѣтить. Впослѣдствіи императоръ Александръ Павловичъ самъ засвидѣтельствовалъ эту благородную черту характера своего канцлера: «Я не могу не питать къ нему особеннаго уваженія: онъ *одинъ* никогда ничего не просилъ у меня, всѣ же

---

[1]) *Трачевскій*: Союзъ князей, стр. 68—69.

прочіе безпрестанно добиваются почестей, денегъ и другихъ наградъ» [1]).

Сверхъ германскихъ дѣлъ на Румянцова возлагались въ это время и другія порученія. Такъ онъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ императрицы съ изгнанными во время революціи французскими принцами. Въ бумагахъ, сбереженныхъ племянникомъ Румянцова—Дивовымъ и поступившихъ недавно въ музеи, сохранились копіи писемъ императрицы Екатерины къ французскимъ принцамъ и подлинная инструкція ея Румянцову по сношеніямъ съ принцами. Принцы и эмигранты часто прибѣгали къ посредничеству нашего посла; со времени революціи онъ постоянно былъ окруженъ фрацузскими дворянами и заслужилъ прозвище «оберегателя Бурбоновъ».

На полномочнаго министра своего Екатерина возлагала и такія деликатныя порученія, какъ приглашеніе въ Россію Баденскихъ принцессъ для выбора невѣсты любимому внуку императрицы в. к. Александру Павловичу.

Участвуя по обязанности во всѣхъ празднествахъ, балахъ, проживая въ модныхъ курортахъ, Румянцовъ по характеру своему не былъ расположенъ къ разсѣянной свѣтской жизни и представлялъ противоположность своему младшему брату. Уже тогда онъ болѣе цѣнилъ уединеніе, избѣгалъ женщинъ, за что императрица Екатерина и прозвала его St. Nicolas. Онъ охотно и тогда посвящалъ свой досугъ ученымъ разысканіямъ.

Особенно интересовали его темные вопросы русской и славянской исторіи. Такъ еще въ 1791 году онъ собираетъ матеріалы объ Одѣ, супругѣ русскаго князя; объ источникахъ древней Померанской исторіи и о Гаральдѣ Кукъ. Матеріалы эти и теперь хранятся въ музеѣ въ томъ же видѣ, какъ отобралъ ихъ Румянцовъ: въ оберткѣ, съ надписью: «беречь, какъ глаза».

Въ томъ же году гр. Николай Петровичъ составилъ краткій очеркъ русской исторіи. Содержаніе этого труда изложено въ исторической запискѣ о Румянцовскомъ Музеѣ, составлен-

---

[1]) *Богдановичъ:* Исторія царствованія императора Александра I, Спб. 1869, стр. 277.

ной бывшимъ библіотекаремъ музея К. И. Кестнеромъ. Весьма интереснымъ оказывается здѣсь то, что Румянцовъ въ своемъ очеркѣ первый прибѣгаетъ къ тому самому способу объясненія русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, который впослѣдствіи, черезъ 9 лѣтъ, такъ плодотворно былъ примѣненъ знаменитымъ Шлецеромъ въ его Несторѣ, именно къ сравненію съ иностранными источниками. Тогда же Румянцовъ старается завязать сношенія съ извѣстными европейскими учеными и пользуется содѣйствіемъ своихъ товарищей по профессіи для полученія нужныхъ свѣдѣній по интересующимъ его вопросамъ. Такъ австрійскій посланникъ во Франкфуртѣ графъ Филиппъ Стадіонъ справляется у Добровскаго, извѣстнаго чешскаго ученаго, по вопросамъ «древней исторіи и взаимныхъ отношеній славянскихъ народовъ между собою». «Румянцовъ», поясняетъ Стадіонъ, «человѣкъ большого ума и съ обширными познаніями, особенно усердно занимающійся изученіемъ своей отечественной исторіи, отыскалъ въ старинныхъ русскихъ историкахъ указанія на то, что Россія въ первыя времена своего существованія находилась во всякаго рода сношеніяхъ съ Чехіей и Моравіей посредствомъ войнъ, договоровъ и браковъ князей». Но его русскія извѣстія слишкомъ неполны, чтобы вывести изъ нихъ что-либо опредѣленное, вѣрное, и онъ надѣется дополнить ихъ изъ источниковъ чешскихъ, а знакомство съ трудами Добровскаго убѣдило его, что тотъ скорѣе всякаго другого могъ бы удовлетворить его желаніямъ. Поэтому-то Стадіонъ и обращается по его просьбѣ къ Добровскому: «Не встрѣчались ли вамъ въ изслѣдованіяхъ вашей древней исторіи данныя о сношеніяхъ съ Россіей и не можете ли вы указать самые источники, къ которымъ гр. Румянцовъ могъ бы обратиться для дальнѣйшихъ справокъ?»

Добровскій, кажется, не отвѣтилъ на этотъ запросъ. Но для насъ дорого во всемъ этомъ сознаніе Румянцова въ плодотворности провѣрки русскихъ лѣтописныхъ сказаній источниками иностранными; сознаніе важности именно источниковъ.

Видя источники русской исторіи не только неизданными и неразработанными, но и погибающими въ небреженіи и неизвѣстности, Румянцовъ тогда еще пришелъ къ мысли, что надо прежде всего позаботиться о самомъ необходимомъ—объ

ихъ отысканіи, обнародованіи... Это и дало, какъ мы знаемъ, содержаніе всей его жизни послѣ отставки. Но вернемся къ обозрѣнію государственной дѣятельности графа Румянцова.

Пробывъ болѣе пятнадцати лѣтъ полномочнымъ министромъ и посломъ при иностранныхъ дворахъ, Румянцовъ, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, вернулся въ Россію. Что побудило его къ этому шагу, добровольно ли было его удаленіе или вынуждено,—біографы обходятъ молчаніемъ. Этотъ періодъ, равно какъ и слѣдующій, служба графа во время царствованія императора Павла Петровича, когда Румянцовъ занималъ должности генералъ - прокурора и главнаго попечителя Вспомогательнаго банка, ждутъ своихъ изслѣдователей и обнародованія документовъ, относящихся сюда.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра Павловича, Румянцовъ занимаетъ болѣе видное положеніе, сначала члена Государственнаго Совѣта, потомъ министра Коммерціи, а затѣмъ министра Иностранныхъ Дѣлъ и канцлера имперіи. При образованіи Государственнаго Совѣта, первоначально, 30 марта 1801 года, было назначено туда 11 лицъ, а 17 августа того же года къ нимъ былъ присоединенъ Румянцовъ. Министерство Коммерціи и Водяныхъ Коммуникацій, какъ тогда оно называлось, было прибавлено, по мысли государя, къ числу 8, предположенныхъ ранѣе, и на это мѣсто былъ назначенъ гр. Румянцовъ (8 сент. 1802 г.). Сюда были отдѣлены отъ Министерства Финансовъ таможни и Коммерческая Коллегія. На своемъ посту Румянцовъ дѣятельно радѣлъ какъ о расширеніи русской торговли, о поощреніи и нуждахъ торговаго сословія, такъ и объ усовершенствованіи путей и способовъ сообщенія и даже о развитіи русскаго мореходства.

Онъ учредилъ Бѣломорскую Компанію для оживленія нашихъ сѣверныхъ окраинъ; онъ хлопоталъ объ утвержденіи *купеческаго устава*, гдѣ впервые устанавливались права и преимущества купцовъ (1 янв. 1807 г.), что не мало содѣйствовало поднятію этого сословія. Съ этою же цѣлію онъ еще ранѣе (съ 1803 г.) завелъ изданіе *Санктпетербургскихъ Коммерческихъ Вѣдомостей*, гдѣ печатались рескрипты государя министру Коммерціи, всеподданнѣйшіе доклады по разнымъ вопросамъ торговымъ, таможеннымъ и судоходству, торговыя корреспонденціи, какъ русскія, такъ и заграничныя, вексель-

ные курсы, конвенціи съ иностранными державами, вѣсти съ театра войны и т. п. Кромѣ того время отъ времени появлялись здѣсь извѣстія о разныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и такъ называемыя *ученыя извѣстія*, гдѣ сообщались свѣдѣнія о разныхъ пограничныхъ съ Россіей иностранныхъ областяхъ, ихъ природѣ, естественныхъ богатствахъ, торговлѣ, о вышедшихъ за границей разнаго рода сочиненіяхъ и излагалось содержаніе послѣднихъ.

Масса улучшеній судоходства по рѣкамъ расчисткой руслъ и прорытіемъ каналовъ была произведена во время завѣдыванія Румянцовымъ департаментомъ водяныхъ коммуникацій и министерствомъ. Онъ настоялъ на экспедиціи Крузенштерна въ Японію и Тихій Океанъ и снарядилъ впослѣдствіи на свои средства корабль «Рюрикъ» для изслѣдованія антарктическихъ областей.

Кромѣ того и въ этой сферѣ онъ заботился о распространеніи образованія: такъ по его плану утверждено (1808 г. апр. 3) въ Петербургѣ Судостроительное Училище.

Засѣдая въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, Румянцовъ нерѣдко представлялъ свои особыя мнѣнія по важнѣйшимъ дѣламъ государственнымъ. Часто по этимъ мнѣніямъ можно судить о присущемъ ему миролюбіи, о стараніи его избѣжать, по возможности, войны.

Такъ въ засѣданіи Комитета Министровъ 28 окт. 1802 года по поводу пограничныхъ споровъ со Швеціею онъ противъ мнѣнія большинства объявилъ: «что не почитаетъ, чтобы столь маловажное дѣло заслуживало, чтобы Государь Императоръ подвергался выйти изъ того счастливаго положенія, въ которомъ онъ находится съ сею державою, и что, по его мнѣнію, слѣдовало бы открыть по сему дѣлу со Швеціей дружескія сношенія».

Не забудемъ, что и впослѣдствіи онъ ничего такъ не цѣнилъ, какъ заключеніе удачнаго мира. Въ память трехъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ его дѣдомъ, отцомъ и имъ самимъ, онъ заказалъ Кановѣ славную статую мира, украшающую нынѣ нашъ музей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ честь и польза Россіи всегда стояли для графа Румянцова на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи характерно мнѣніе его, поданное во время обсужде-

II.

(къ стр. 22).

нія въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о положеніи и политикѣ Россіи послѣ Аустерлицкой битвы, когда император австрійскій заключилъ сепаратный договоръ съ Наполеономъ. Оно почти цѣликомъ приведено Е. Ѳ. Коршемъ въ его прекрасномъ *Опытѣ нравственной характеристики Румянцова* [1]). Въ этомъ мнѣніи Румянцовъ, между прочимъ, говоритъ: «Будучи твердъ въ правилахъ, я обязываюсь и при нынѣшнемъ случаѣ сказать, что если утверждалъ, что не было пользы скоропостижно выставлять военныя ополченія, то и нынѣ въ скоропостижныхъ исканіяхъ мира пользы я не предвижу». Далѣе онъ излагаетъ свое мнѣніе, въ которомъ, по отзыву Е. Ѳ. Корша, «Румянцовъ, какъ государственный дѣятель, вылился, можно сказать, во весь ростъ, и съ своимъ полнымъ сдержаннаго достоинства прямодушіемъ, и съ дорогимъ, завѣтнымъ своимъ дѣломъ».

Личность Румянцова дѣйствовала обаятельно на непредубѣжденныхъ его товарищей. И. И. Дмитріевъ, бывшій одно время съ нимъ министромъ Юстиціи и видѣвшій графа въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, такъ вспоминаетъ: «Особенно я любовался графомъ Румянцовымъ, когда онъ обращалъ рѣчь свою къ государю. Никто изъ вельможъ того времени не изъяснялся предъ нимъ такъ искренно, такъ смѣло и съ такою притомъ глубокою почтительностію къ августѣйшей особѣ» [2]).

Во время эрфуртскаго свиданія императоровъ графъ Румянцовъ сопровождалъ Александра. Здѣсь онъ имѣлъ возможность бесѣдовать съ Наполеономъ и тотъ отзывался о немъ впослѣдствіи съ уваженіемъ.

Эпоха, предшествовавшая великой отечественной войнѣ, уже не разъ была подробно изслѣдована и описана. Дѣятельность гр. Румянцова за это время достаточно освѣщена въ трудахъ Богдановича, Соловьева, Попова и, въ послѣднее время, Шильдера.

Мы не будемъ поэтому останавливаться на ея эпизодахъ. Укажемъ только, что здѣсь Румянцовъ былъ вѣренъ себѣ, завѣтамъ великой Екатерины, своего геніальнаго отца. Онъ

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго Музея, вып. I. М. 1882 г.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 183.

всячески старался, пользуясь союзомъ съ Франціей, приблизиться къ разрѣшенію Восточнаго вопроса, и если бы не угрожающія вооруженія Наполеона, то, несомнѣнно, Россія успѣла бы добиться болѣе удачнаго разрѣшенія этого вопроса, чѣмъ это далъ миръ съ Турціей, заключенный наканунѣ вторженія двадесяти языкъ въ отечество.

Румянцовъ былъ сторонникомъ союза съ Франціей, но это потому, что онъ совершенно вѣрно опредѣлялъ, что союзъ этотъ, какъ самый естественный, выгоденъ для обоихъ народовъ и можетъ служить для сохраненія всеобщаго мира.

Онъ думалъ, что Наполеонъ, какъ человѣкъ геніальный, хорошо понимаетъ это и не захочетъ пожертвовать союзомъ изъ-за неважныхъ несогласій, какъ напримѣръ по Ольденбургскому и Польскому вопросу, тѣмъ болѣе что Россія дѣйствовала весьма уступчиво. «Императоръ Наполеонъ удаляется отъ насъ», говорилъ графъ Коленкуру, «но онъ возвратится къ намъ, если только желаетъ *всеобщаго мира*». Но онъ ошибался: этого именно и не желалъ Наполеонъ.

Румянцовъ писалъ Куракину почти наканунѣ разрыва съ Франціей (27 ф. 1812 г.): «эта война (т. е. Франціи съ Россіей) *діаметрально противна* выгодамъ его (Наполеона) монархіи». Послѣдующія вскорѣ событія вполнѣ подтвердили правильность взгляда Румянцова: Наполеонъ палъ, Франція изъ рѣшительницы судебъ Европы низведена была до второстепенной роли, Россія мало выгадала отъ своихъ успѣховъ... Но идея Румянцова была вѣрна, какъ показываетъ недавнее наше сближеніе съ Франціей. Жаль только, что надо было пройти слишкомъ 3/4 вѣка, чтобы этотъ глубокій взглядъ проникъ въ сознаніе обоихъ великихъ народовъ и столь счастливо перешелъ изъ области идей въ область жизни для блага будущихъ поколѣній.

Вспоминая сегодня основателя Румянцовскаго Музея, мы имѣли намѣреніе выяснить его нравственный и государственный обликъ во всей полнотѣ его политическихъ и научныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи. Къ сожалѣнію, наша задача, въ связи со спѣшностью ея исполненія къ извѣстному сроку, лишила насъ возможности всецѣло воспользоваться всѣми необходимыми матеріалами. Какъ мы уже выше замѣтили, заслуги графа Н. П. Румянцова всего болѣе оцѣнены русскою

историческою наукою въ предѣлахъ его благотворительной дѣятельности, въ области меценатства. Но основныя побужденія, заставившія графа ограничиться этою областью въ концѣ его жизни, могутъ быть объяснены лишь политическимъ разочарованіемъ, которое постигло его при открытіи войны съ Франціей, съ страною, представлявшеюся ему единственнымъ естественнымъ союзникомъ Россіи въ видахъ окончательнаго рѣшенія Восточнаго вопроса. Понять эти побужденія нельзя безъ предварительнаго изслѣдованія предыдущей дипломатической и государственной дѣятельности Румянцова. Но изслѣдованіе это въ настоящее время оказывается преждевременнымъ. Документы для такой задачи не только не изданы, но и не собраны и даже могутъ скрываться въ такихъ источникахъ, о которыхъ и не подозрѣваютъ ученые, желающіе заняться біографіей канцлера. Еще нынѣшнею зимою Императорская Публичная Библіотека въ С.-Петербургѣ имѣла случай пріобрѣсти въ Парижѣ цѣлую переписку Румянцова съ однимъ англичаниномъ, относящуюся къ концу прошлаго вѣка.

Жизнеописатель канцлера, помимо ознакомленія со всѣмъ печатнымъ матеріаломъ, разбросаннымъ по различнымъ изданіямъ, обязанъ производить розыски и можетъ быть даже открытія въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ архивовъ, несомнѣнно богатыхъ рукописными источниками. Однимъ словомъ, для біографіи графа Румянцова не достаетъ еще подлиннаго архивнаго матеріала изъ тѣхъ учрежденій, которыхъ близко касалась служба графа въ дипломатіи, въ департаментѣ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, въ Министерствахъ Торговли, Иностранныхъ Дѣлъ, въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Но, кромѣ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Путей Сообщенія, слѣды научныхъ занятій и личныхъ по этому поводу сношеній графа могутъ сохраняться еще въ Министерствахъ Народнаго Просвѣщенія, Морскомъ, въ Академіи Наукъ, въ академіяхъ духовныхъ, въ Сенатскомъ Архивѣ, въ дѣлахъ ученыхъ обществъ и т. д. Мы даже не можемъ предвидѣть всего того обилія архивнаго матеріала, которое можетъ обнаружиться при возбужденіи вопроса о полной, обстоятельной біографіи графа Н. П. Румянцова.

Мы старались доказать, что государственныя его заслуги не ограничиваются однимъ фактомъ созданія своего знаме-

нитаго музея, который, кстати сказать, обладаетъ лишь довольно случайнымъ и незначительнымъ собраніемъ бумагъ по его біографіи. Румянцовскому Музею не только позволительно, но даже подобаетъ кликнуть кличъ о настоятельности подробной біографіи своего основателя. Но починъ въ этомъ дѣлѣ выходитъ изъ предѣловъ средствъ Музея. Къ нему желательно привлечь всѣ тѣ учрежденія, архивы которыхъ могутъ послужить общей цѣли,—общей потому, что заслуги графа Н. П. Румянцова плодотворны и значительны на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ его государственной и частной дѣятельности. Позволяемъ себѣ выразить надежду, что всѣ поименованныя выше учрежденія не откажутся приступить къ обнародованію документовъ, освѣщающихъ біографію канцлера. Этими словами надежды мы заключимъ нашу признательную поминку.

С. Долговъ.

III.

СТАРОЕ ВАГАНЬКОВО И ДОМЪ БЫВШІЙ ПАШКОВА.

(ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ СПРАВКИ).

Москва—сердце Россіи, Кремль—сердце Москвы. Такъ мы всѣ привыкли думать и говорить, не останавливаясь надъ вопросомъ: примѣнима ли эта общепринятая аксіома ко всѣмъ періодамъ русской и спеціально-московской исторіи? Несомнѣнно однако, что Россія существовала гораздо раньше возникновенія Москвы, которая сдѣлалась въ полномъ смыслѣ ея сердцемъ только впослѣдствіи, и то лишь на извѣстный періодъ времени. Вспомнимъ, что цѣлый рядъ другихъ, болѣе раннихъ жизненныхъ центровъ древней Руси или, такъ сказать, нервныхъ узловъ складывающагося и развивающагося организма (каковы: Кіевъ, Владиміръ, Новгородъ и др.) подверглись атрофіи въ угоду этого новаго центра—Москвы, которая начала съ большею силою и настойчивостью стягивать къ себѣ жизненные соки страны и стала главнымъ ея центромъ, пока на смѣну ей не явился опять новый центръ—Петербургъ, повернувшій на новый ладъ жизнь и дѣятельность этого организма и ставшій новымъ его сердцемъ. Итакъ, по отношенію къ Москвѣ вышеуказанная сентенція есть истина условная, которую должно принимать съ извѣстными оговорками. То же самое можно сказать и относительно второй половины мысли, что Кремль есть сердце Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, отсюда ли началась жизнь Москвы и здѣсь ли былъ ея зародышъ? Вотъ вопросъ, который уже неоднократно занималъ нашихъ историковъ и археологовъ. Обыкновенно принимается гипотеза, что такъ называемый Боровицкій, или нынѣшній Кремлевскій, холмъ былъ первымъ зародышемъ города Москвы, что здѣсь, при впаденіи рѣки Неглинки въ

Москву-рѣку, Суздальскій князь Юрій Долгорукій устроилъ городокъ, къ которому постепенно стало притекать населеніе, и такимъ образомъ заселилась Москва, соединивъ въ себѣ нѣсколько селеній. Однако извѣстія о единоличномъ основаніи того или другого древняго города должны быть принимаемы съ большою осмотрительностью, такъ какъ часто эти извѣстія развиваются на чисто-легендарной почвѣ. Достаточно вспомнить основаніе великаго Рима [1]) или начало матери русскихъ городовъ—нашего Кіева. Современная модная теорія эволюціоннаго развитія съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть примѣнена къ исторіи такъ называемыхъ міровыхъ городовъ, зачатки которыхъ теряются въ глубокой древности. Хижина рыбака, избушка перевозчика у рѣки, мельница, избранное мѣсто выгрузки товаровъ, идущихъ по рѣкѣ, для переправы ихъ волокомъ, излюбленное становище охотниковъ-звѣролововъ или лѣсопромышленниковъ и т. п.,—вотъ тѣ первоначальные пункты, которые естественнымъ образомъ привлекаютъ прежде всего къ себѣ населеніе и съ усиленіемъ колонизаціи становятся зародышами поселеній, а эти послѣднія, при благопріятныхъ условіяхъ, развиваются въ цѣлые города.

Считается общепризнаннымъ фактомъ, что важнѣйшими проводниками колонизаціи служили рѣки, какъ естественные пути сообщенія. По отношенію къ древней Россіи, какъ странѣ лѣсистой и болотистой, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ древней Суздальской или Московской сторонѣ, покрытой глухимъ лѣсомъ, рѣки и рѣчки давали единственную возможность пробраться куда было надо, какъ лѣтомъ водою, такъ и зимою по льду [2]). Для нынѣшней центральной Россіи не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи сыграла наша Москва-рѣка, давшая мѣсто у своихъ береговъ будущему великому историческому центру. Въ первоначальное время важнымъ пунктомъ по теченію Москвы-рѣки было именно то мѣсто, которое прилегаетъ къ нынѣшнему Каменному мосту и устью Неглинки.

---

[1]) См. *А. Энманъ*: «Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе.» СПБ. 1896. (Печатано предварительно въ приложеніяхъ къ «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 и 1896 гг.).

[2]) *И. Забѣлинъ*: «Изысканіе о древнѣйшемъ, первоначальномъ поселеніи Москвы» (въ «Трудахъ VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ». Москва, 1897, стр. 6).

Здѣсь, какъ извѣстно, былъ порогъ, затруднявшій плаванье, и откуда бы ни направлялось торговое и колонизаціонное движеніе—по теченію или противъ теченія,—здѣсь необходимо должна была производиться высадка, для перегрузки ли или для сбыта товара на мѣстѣ являющимся сюда потребителямъ, также для какого-нибудь промысла или, наконецъ, просто для отдыха. Тутъ, такимъ образомъ, скорѣе всего должны были явиться зачатки поселенія и будущаго города. Является вопросъ: который берегъ представлялъ для этой цѣли больше удобствъ? Но отвѣтить на него не трудно. Несомнѣнно, что правый берегъ, или нынѣшнее Замоскворѣчье, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, противъ устья Неглинки, былъ весь болотистый: нынѣшняя Болотная площадь есть остатокъ того стараго болота, которое не могло быть мѣстомъ для поселенія. Даже въ сравнительно поздній періодъ, когда Москва уже была значительно заселена, правый берегъ рѣки, противъ Кремля, оставался незанятымъ и представлялъ большой лугъ, затопляемый въ половодье и принадлежавшій великокняжескому двору [1]. Наоборотъ, лѣвый берегъ всегда былъ несравненно удобнѣе и привлекательнѣе для жительства. Здѣсь мѣстность была сравнительно высокая и въ то же время ровная, удобная для поселенія и для торговли. Тутъ-то скорѣе всего и было положено первое начало будущему городу, для котораго это первое поселеніе было своего рода «*Прагой*», подобно тому какъ и Чешская Прага и Варшавская получили свое начало у рѣчныхъ перекатовъ Велтавы и Вислы и отсюда ведутъ свои названія: *prah* — общеславянское *порогъ*. Другія близлежавшія селенія по Москвѣ-рѣкѣ, какъ Воробьево, Сущево, Кучково, можетъ быть, не уступаютъ по своей древности этому поселку, но, какъ находившіяся въ сторонѣ отъ этого пункта, невольно привлекавшаго вниманіе поселенцевъ, они не получили такого центральнаго значенія.

---

[1]) Напримѣръ, около 1406 г. великій князь Василій Дмитріевичъ, въ духовной грамотѣ сыну своему Ивану Васильевичу и своей женѣ великой княгинѣ Софіи Витовтовнѣ, упоминаетъ въ числѣ великокняжескихъ угодій, завѣщаемыхъ сыну, также и «лугъ великій противу города за рѣкою». (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва, 1813. Часть I, стр. 72, № 39; также въ грамотѣ 1433 г., см. тамъ же, стр. 80. Ср. *Забѣлина:* «Изысканіе о древнѣйшемъ, первоначальномъ поселеніи Москвы», стр. 3).

Селясь у Москворѣцкаго порога, жители не сразу заняли близлежавшіе два холма, какъ бы стѣснявшіе съ двухъ сторонъ устье Неглинки: одинъ—Боровицкій, или нынѣшній Кремлевскій, другой — Ваганьковскій, тотъ самый, на которомъ теперь высится Румянцовскій Музей, соперничая по своей красотѣ съ зданіями своего сосѣда [1]). Первый изъ этихъ холмовъ, Боровицкій, со стороны р. Москвы былъ не такъ доступенъ своей высотою; со стороны же Неглинки помѣхой служили—какъ сама рѣчка, затруднявшая сношенія, такъ въ особенности ея болотистые берега: Моховая улица и до сихъ поръ напоминаетъ намъ о бывшемъ здѣсь моховомъ болотѣ. На Боровицкій холмъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія трудно было въѣзжать и всходить, по значительности его подъема [2]). Притомъ самый этотъ холмъ былъ поросшій боромъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ названія старинныхъ церквей: Іоанна Предтечи *подъ боромъ*, Спаса *на бору*. Второй же холмъ — Ваганьковскій былъ непосредственно связанъ со всею площадью предполагаемаго нами поселенія и повидимому былъ не особенно заросшій, переходившій далѣе въ открытое мѣсто, неоднократно называемое въ древнихъ актахъ «всполье мъ». Первоначальные поселенцы несомнѣнно скоро обратили вниманіе на этотъ холмъ, но, какъ мѣсто отчасти доминирующее надъ остальною площадью, онъ былъ охраненъ отъ частнаго захвата и оставленъ для общественнаго пользованія. По обычаю тѣхъ временъ, подобныя возвышенныя мѣста по сосѣдству съ поселеніями, какъ показываютъ археологическія изслѣдованія, обыкновенно отводились для погребенія умершихъ, и очень возможно, что уже въ отдаленныя языческія времена здѣсь было кладбище. Тѣ же мѣста служили въ старину и для другихъ общественныхъ цѣлей: для обществен-

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ, въ цитированномъ выше «Изысканіи», одинъ изъ древнѣйшихъ поселковъ указываетъ тоже близъ устья р. Неглинки, въ той мѣстности, гдѣ нынѣ воздвигнутъ храмъ Христа Спасителя. Ничто впрочемъ не мѣшаетъ принять то предположеніе, что эта мѣстность и Ваганьковскій холмъ могли заселиться приблизительно въ одно время. Протекавшая между этими урочищами рѣчка Лѣнивка, по своей незначительности, не могла служить къ тому препятствіемъ. Вопросъ этотъ несомнѣнно стоитъ въ связи съ вопросомъ о томъ, откуда шло колонизаціонное движеніе по Москвѣ-рѣкѣ—сверху или снизу, и какую роль въ этомъ движеніи игралъ порогъ на Москвѣ-рѣкѣ?

[2]) «Изъ исторіи Москвы», *В. Н.* Москва, 1896, стр. 26.

ныхъ моленій, жертвоприношеній и игръ, тѣмъ болѣе, что эти моленія и игры были тѣсно связаны съ поминовеніемъ усопшихъ, какъ объ этомъ можно судить по свойству и значенію древнеславянскихъ тризнъ, имѣвшихъ не только обрядовый, но и увеселительный характеръ.

Здѣсь очень кстати будетъ коснуться вопроса о значеніи названія этого урочища *Ваганьково.* Существуетъ мнѣніе, сближающее это имя съ областнымъ словомъ *ваганить* (сѣверно-великорусскихъ говоровъ), что значитъ «играть», «потѣшаться» [1]). Выходя изъ этого толкованія и оставляя въ сторонѣ другія догадки [2]), можно допустить, что какъ самое кладбище, такъ и прилегавшіе къ нему пустыри уже изстари служили мѣстомъ общественныхъ увеселеній, потѣшныхъ игръ, кулачныхъ боевъ и т. п., а можетъ быть и языческихъ моленій, пока это мѣсто не было освящено построеніемъ здѣсь христіанскихъ храмовъ. Интересно при этомъ обратить вниманіе на то скопленіе церквей, которое здѣсь существовало, какъ на самомъ Ваганьковѣ, такъ и по окраинамъ его: какъ будто съ особенной настойчивостью старались очистить это мѣсто отъ остатковъ языческой старины [3]). Болѣе 12 церквей здѣсь сосредоточено было чуть ли не въ одномъ околоткѣ. Кажется, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ древней Москвы не наблюдается

---

[1]) Ср. въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона статью *В. Р.* «Ваганьково» (т. V). Въ словарѣ Даля указано вологодское слово «ваганиться» —баловать, шалить, играть, шутить. Въ областномъ словарѣ Подвысоцкаго и въ новѣйшемъ академическомъ эти слова не показаны.

[2]) Ср. *А. Мартыновъ:* «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города». Москва. 1865, т. I, стр. 154.

[3]) Таковы: церковь Благовѣщенія въ Ваганьковскомъ переулкѣ, построенная отцомъ Грознаго (на мѣстѣ нынѣшняго дома Семенова) и уже давно не существующая, церковь Николы въ Ваганьковѣ (нынѣшняя музейская) съ придѣломъ во имя 40 мучениковъ въ видѣ отдѣльнаго зданія, церковь св. Михаила Малеина, построенная, по преданію, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на землѣ, нынѣ принадлежащей Музею и тоже не существующая, церковь Николы въ Сапожкахъ (близъ нынѣшняго манежа, гдѣ домъ кн. Гагарина), церковь вмч. Ирины (нынѣшняя домовая при Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), церковь Дмитрія Солунскаго (бывшая въ началѣ Воздвиженки, гдѣ домъ Скворцова), далѣе церкви Воздвиженія, Знаменія, св. Антипы, Іоанна Предтечи (по Волхонкѣ, гдѣ домъ Волковыхъ), Николы Стрѣлецкаго, Всѣхъ Святыхъ и др. Мѣстоположеніе этихъ церквей обозначено на планѣ г. Москвы, составленномъ архитекторомъ Ив. Мичуринымъ въ 1739 году. Описаніе плана напечатано А. Мартыновымъ въ I томѣ его сочиненія: «Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города». Москва, 1865, т. I. стр. 201—208.

подобный фактъ, и это въ свою очередь свидѣтельствуетъ о древности заселенія этой мѣстности, хотя, несомнѣнно, не всѣ эти церкви одинаковой древности. Не лишенъ интереса и тотъ фактъ, что въ числѣ извѣстныхъ здѣсь съ давнихъ временъ церквей чуть ли не рядомъ стояли три церкви во имя св. Николая Чудотворца (церкви Николы въ Ваганьковѣ, Николы Стрѣлецкаго и Николы въ Сапожкахъ), равно какъ и немного далѣе, по нынѣшнему Арбату, возникли почти рядомъ три церкви въ честь того же святого (Николы Явленнаго, Николы на Пескахъ и Николы въ Плотникахъ), а поблизости отъ нихъ еще церковь Николы на Курьихъ ножкахъ (на Молчановкѣ). Я обращаю вниманіе на это обстоятельство въ виду особенности, какою отличался повидимому культъ этого святого въ бассейнѣ Москвы-рѣки, гдѣ онъ, можетъ быть, замѣнилъ собою какое-нибудь языческое божество. Только здѣсь повидимому встрѣчаются изображенія этого святого въ видѣ деревянной человѣческой фигуры (Никола Можайскій, Никола Гостунскій) и приближающіяся къ нимъ живописныя изображенія въ родѣ Николы съ Сапожками или въ Сапожкахъ; изъ нихъ Никола Можайскій извѣстенъ въ древнерусскихъ былинахъ: именно, въ новгородской былинѣ о Садкѣ Никола Можайскій является важнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Не есть ли это указаніе на то, что новгородскіе промышленники были первыми русскими насельниками этого края среди финскихъ племенъ? [1]) Вопреки благочестивому усердію, сказавшемуся въ построеніи многочисленныхъ храмовъ въ самомъ Ваганьковѣ и близъ него, остатки языческой старины долгое время продолжали здѣсь существовать, и еще патріархъ Филаретъ запрещалъ происходившіе здѣсь кулачные бои подъ страхомъ кнута [2]), а въ великокняжескій періодъ здѣсь былъ особый увеселительный потѣшный дворецъ великихъ князей.

Но тутъ мы подошли къ вопросу объ исторической связи между Ваганьковскимъ холмомъ и его сосѣдомъ по ту сторону Неглинки—холмомъ Кремлевскимъ. На этомъ вопросѣ

---

[1]) Ср. объ этомъ у Мартынова, «Москва», т. I, стр. 103 и 109, на основаніи другихъ данныхъ. О почитаніи Николая Чудотворца, тамъ же, стр. 181—182.

[2]) См. Исторія Россіи, *Соловьева*, новое изданіе въ 6-ти книгахъ. Кн. II, столбецъ 1363.

необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы лучше уяснить себѣ историческое значеніе Ваганькова.

Когда образовался и сталъ развиваться у порога Москвы-рѣки первый поселокъ, то со временемъ потребовалась для него защита, особенно, когда съ юга начали угрожать враги. Тогда-то и началась историческая роль нынѣшняго Кремлевскаго холма, успѣвшаго уже сдѣлаться мѣстопребываніемъ особаго князя. Въ лѣтописи впервые имя Москвы упоминается въ 1147 г. рядомъ съ именемъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукаго, сына Мономахова. Онъ воевалъ Новгородскія волости, Мсту и др., а Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій Смоленскую волость и дошелъ по Окѣ до устья Поротвы, до города Любыньска. Тогда Юрій захотѣлъ повидаться съ нимъ и зоветъ его: «буди, брате, ко мнѣ на Москву» [1]. Отсюда нельзя еще заключить, чтобы Юрій Долгорукій имѣлъ здѣсь, на Москвѣ, болѣе или менѣе частое мѣстопребываніе, а «сильный обѣдъ», какой онъ здѣсь устроилъ Святославу, можно понимать какъ обильное походное угощеніе, которое могло состояться въ любомъ поселкѣ. Слѣдовательно, является сомнѣніе, былъ ли уже въ то время здѣсь городокъ, въ которомъ жилъ Юрій Долгорукій. Лѣтописецъ, разсказывая о войнахъ Юрія Долгорукаго, говоритъ каждый разъ, что враги Юрія пошли *на Суздаль*, какъ мѣсто его пребыванія, а не на Москву. Сомнительно также, обозначается ли въ приглашеніи Юрія Святославу словомъ *Москва* поселеніе, или же только рѣка, вѣрнѣе переправа въ этомъ пунктѣ черезъ рѣку Москву. Во всякомъ случаѣ приписывать уже Юрію Долгорукому заложеніе городка на Боровицкомъ холмѣ мы не имѣемъ никакихъ твердыхъ основаній. Не безъинтересно и то, что изъ источниковъ не видно, чтобы Юрій Долгорукій посѣщалъ когда-нибудь впослѣдствіи это мѣсто [2]. Но кто бы ни былъ первымъ сѣвшимъ здѣсь княземъ, онъ, избравъ себѣ резиденціей это наиболѣе безопасное мѣсто по сосѣдству съ поселкомъ, построилъ здѣсь *городъ*, въ тогдашнемъ смыслѣ, т. е. *огородилъ* свою столицу, а можетъ быть и самый

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VII, стр. 38 (Воскресенская лѣтопись).

[2]) Ср. «Изъ исторіи Москвы», *В. Н.* Москва. 1896, стр. 8.

поселокъ отъ враговъ [1]), построилъ себѣ домъ на горѣ, расчистивъ на ней лѣсъ, гдѣ по преданію спасался отшельникъ Букалъ, а рядомъ, можетъ быть, основалъ и церковь [2]). Для сношеній съ поселкомъ былъ устроенъ мостъ черезъ Неглинку, соединявшій Ваганьково съ Кремлемъ и выходившій на сухопутный трактъ къ Смоленску, къ прежней Смоленской улицѣ (нынѣ Воздвиженкѣ).

Такъ началась историческая роль Кремлевскаго холма. Спрашивается, въ какомъ положеніи очутилось тогда Ваганьково по отношенію къ своему сосѣду? Какъ мѣсто общественное и слѣдовательно никому собственно не принадлежавшее, Ваганьково съ своими пустопорожними землями скоро вошло въ составъ вотчинныхъ земель Московскихъ князей, которые не могли не обратить вниманія на красивое мѣстоположеніе этого холма и не могли не оцѣнить удобства его для устройства на немъ своего какъ-бы загороднаго помѣщенія. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ объ этомъ положительныхъ извѣстій отъ временъ первыхъ Московскихъ князей. Но уже въ XV в. Ваганьково несомнѣнно принадлежало великокняжеской фамиліи, и тутъ былъ княжескій дворецъ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ братъ Іоанна III, Юрій Васильевичъ, въ своемъ завѣщаніи 1472 года: «А что мое мѣсто Ваганьково да и дворъ на Ваганьковѣ мѣстѣ, чѣмъ мя благословила баба моя, великая княгиня, и то мѣсто и дворъ господину моему князю великому (т. е. Іоанну III), опричь того мѣста, что есть того жъ Ваганькова далъ великому Николѣ въ домъ на Пѣсношѣ [3]). Итакъ, бабка князей Юрія Васильевича и Іоанна III, мать великаго князя Василія II Темнаго и супруга Василія I, Софія Витовтовна, уже владѣла Ваганьковымъ и распоряжалась имъ, какъ полною собственностью; она имѣла тамъ свой *дворъ*, а при немъ, вѣроятно, и церковь [4]). Но такъ какъ

---

[1]) О постройкѣ въ Москвѣ деревянныхъ стѣнъ Іоанномъ Калитою и каменныхъ—Дмитріемъ Донскимъ есть историческія извѣстія. (См. *В. Пассекъ:* «Московская справочная книжка», 1842, стр. 23—24).

[2]) Ср. «Изъ исторіи Москвы», *В. Н.* Москва, 1896, стр. 4.

[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. I, стр. 233. Ср. Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. II, стр. 49.

[4]) Не была ли это церковь во имя св. Сергія, составляющая нынѣ придѣлъ церкви Николы въ Ваганьковѣ? Намъ приходилось слышать предположеніе археологовъ, не заявленное впрочемъ печатно, что этотъ Сергіевскій придѣлъ древнѣе нынѣшняго главнаго храма Николая Чудотворца и

великая княгиня Софія была по происхожденію не русская, а иноземка, дочь литовскаго князя Витовта, то она могла или получить это владѣніе отъ своего мужа, великаго князя Василія I, или пріобрѣсти на свои средства. Послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ Василій I въ своемъ духовномъ завѣщаніи, распредѣляя всѣ свои села и помѣстья между своими наслѣдниками и своей супругой Софіею Витовтовною, не упоминаетъ о Ваганьковѣ, очевидно потому, что оно принадлежало не ему лично, а Софіи, за которою и осталось, согласно подтвержденію въ духовной ея мужа. Назначая по завѣщанію нѣкоторыя села и волости великой княгинѣ Софіи, Василій I оговариваетъ: «а тѣ волости и села Княгинѣ моей до ее живота; а по ее животѣ, ино тѣ волости и села сыну моему Князю Ивану», и тутъ-же прибавляетъ: «А што ее примыслъ, въ томъ волна, по душѣ ли дастъ, сыну ли дастъ» [1]). Очевидно, въ числѣ этихъ *примышленныхъ* ею имѣній было и Ваганьково, которое она и уступила меньшому внуку Юрію *по душѣ*. Сама она жила здѣсь въ своемъ *дворѣ*. Сынъ ея, великій князь Василій II, отецъ Юрія и Іоанна III, тоже нѣкоторое время проживалъ въ этомъ ея дворцѣ послѣ пожара и землетрясенія въ 1446 г., возвратившись изъ Курмыша, освобожденный изъ татарскаго плѣна [2]). По смерти отца, Іоаннъ III, получивъ великокняжескій престолъ, оставилъ, по желанію бабки, своему младшему брату Юрію одну часть княжеской вотчины—Ваганьково, и два брата сидѣли рядомъ: одинъ, старшій, съ титуломъ великаго князя—въ Кремлѣ, другой, младшій, не удостоившійся этого титула—на Ваганьковѣ,

---

можетъ восходить по закладкѣ, пожалуй, къ XV в. Если бы изслѣдованіе подтвердило эти предположенія, то мы могли бы допустить, что сама в. к. Софія Витовтовна, жившая около того времени, когда произошла канонизація св. Сергія, построила у себя храмъ въ честь новаго чудотворца.

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.. Москва, 1813, ч. I, стр. 73, столбецъ 1-й (грамота № 39). Въ позднѣйшихъ его грамотахъ сказано еще точнѣе: «а што покупила (села) на Москвѣ, и то ее примыслъ, то ее и есть». Тамъ-же, стр. 81, 83.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI. (Софійскія лѣтописи). СПБ. 1853, подъ 1446 г. (6954), стр. 172: «Тое же осени, заговѣвъ Филипово заговѣнье, пріиде князь велики на Москву, ноября 17, и ста на дворѣ матери своей за городомъ на Ваганкевѣ (*варіанты*: Воганкевѣ, Ваганковѣ); а потомъ оттолѣ иде во градъ, на дворъ княжь Юрьевъ Патрекѣевича» и т. д. (Ср. *А. Мартыновъ:* «Москва», т. I, стр. 153).

имѣя въ своемъ владѣніи также подмосковный городъ Дмитровъ. Но когда младшій братъ Юрій умеръ, то старшій сумѣлъ не выпустить изъ своихъ рукъ Ваганькова. Получивъ это мѣсто въ свое владѣніе по завѣщанію брата Юрія въ 1472 г., Іоаннъ III, повидимому, также интересовался имъ, какъ своей второй резиденціей, гдѣ онъ могъ съ большей свободой предаваться дѣламъ частной жизни, чѣмъ въ оффиціальномъ Кремлѣ. Подобно тому, какъ Владиміръ-Красное Солнышко любилъ удаляться изъ Кіева на берегъ Днѣпра въ село Берестово, заботился объ его украшеніи и имѣлъ тамъ свой частный дворецъ, гдѣ онъ предавался отдыху и развлеченіямъ,—такъ Іоаннъ III удалялся изъ своего города за Неглинку въ свой частный дворецъ въ часы досуга. Съ тѣхъ поръ Ваганьково уже не выходило изъ владѣній великихъ князей. При сынѣ Іоанна III, великомъ князѣ Василіи III Іоанновичѣ, вызванный въ Россію медіоланскій зодчій, знаменитый Алевизъ, строитель одного изъ соборовъ въ Кремлѣ, строитъ также церковь Благовѣщенія въ Ваганьковѣ, по порученію князя [1]). Обрадованный рожденіемъ наслѣдника Іоанна, будущаго Грознаго, великій князь Василій Ивановичъ строитъ здѣсь, по обѣту, *обыденную* церковь въ честь его ангела, съ двумя придѣлами, о чемъ разсказываетъ Никонова лѣтопись подъ 1531 (1532?) годомъ [2]). Царь Іоаннъ Грозный, «учреждая свою знаменитую опричнину, вознамѣрившись жить особнякомъ, въ полной независимости отъ старозавѣт-

---

[1]) См. полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ VI, подъ 1514 годомъ.

[2]) «Того жъ лѣта (т. е. 7039), августа, благовѣрныі і Христолюбивыі великиі Государь Василеі Івановичь всея Русии постави церковь древяную обѣтную у Благовещенья на *старомъ в Аганкове* усекновение честныя главы Крестителя Господня Іванна, а в неі два предѣла, святыи Апостолъ Ѳома, да святыи Петръ чюдотворецъ. Сего ради потщася великии Государь и соверши обѣтъ свої и прия дѣло своима царскима рукама первие всѣхъ дѣлателеі, и по нѣмъ начаша дѣлати и здѣлаша ее единымъ днемъ, того жъ дни и священа бысть. Бѣ же на освящении томъ Князь великии и с великою княгинею Еленою, и з сыномъ своимъ со княземъ Іваномъ, и з бояры, и множество народа». («Русская лѣтопись по Никонову списку. Изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Въ Санктпетербургѣ». 1790 года. Часть VI, стр. 246). Кажется, это извѣстіе слѣдуетъ уже отнести къ 1532 году, въ виду того что постройка и освященіе этой «обыденной» церкви происходили въ августѣ, а передъ этимъ рѣчь идетъ о зимѣ 1531 года. Отмѣченное нами курсивомъ написаніе слова Ваганьково есть случайная неточность писца и не должно служить причиной сомнѣнія на счетъ древнѣйшаго названія урочища.

ныхъ преданій и порядковъ боярской среды и съ полною волею свирѣпаго самодержавія,» —по выраженію И. Е. Забѣлина,— «хотѣлъ и самое свое жилище устроить тоже особнякомъ, подальше отъ старыхъ палатъ своего дѣда и отца» [1]), и въ этомъ намѣреніи онъ обращаетъ свой взоръ къ Ваганькову, чтобы въ этой мѣстности устроить свой опричный дворецъ и оградить себя стрѣльцами [2]). Съ прекращеніемъ династіи Рюриковичей Ваганьково все-таки продолжаетъ оставаться *дворовымъ мѣстомъ*, состоявшимъ въ вѣдѣніи приказа такъ-называемой *большой казны*. Царь междуцарствія Василій Ивановичъ Шуйскій еще крѣпче хотѣлъ связать эту мѣстность съ именемъ царя. Поселившись здѣсь въ старомъ княжескомъ дворцѣ или, можетъ быть, въ собственномъ новомъ, онъ и самый переулокъ Ваганьковскій переименовалъ въ Шуйскій, и здѣсь онъ долженъ былъ защищаться отъ своихъ враговъ [3]). Но какъ недолговѣчно было его правленіе, такъ же кратковременно было именованіе переулка его именемъ.

Вступаетъ новая династія Романовыхъ, и Ваганьково не теряетъ и для нихъ своего значенія. Здѣсь неподалеку ближній бояринъ Никита Романовъ имѣлъ свой домъ и церковь Знаменія при немъ (на Знаменкѣ) [4]). Первый царь изъ этой династіи строитъ здѣсь на вершинѣ холма, на землѣ, теперь принадлежащей Музею, а прежде занятой Тургеневскими богадѣльнями, храмъ въ честь Михаила Малеина, имя котораго онъ самъ носилъ, и при ней придѣлъ во имя апостола Іакова Алфеова; эта церковь все время такъ и оставалась *ружною* дворцовою церковью. Обширное мѣсто на Ваганьковѣ, гдѣ теперь Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ и гдѣ, по недавно высказанному И. Е. Забѣлинымъ мнѣнію, былъ опричный дворецъ

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ:* «Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича», Москва, 1893. стр. 3. (Оттискъ изъ «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ», издаваемыхъ Имп. Моск Археол. Обществомъ, 1893, № 11).

[2]) Тамъ же, стр. 12.

[3]) *Мартыновъ:* «Москва», т. I, стр. 155. Ср. «Русскій Архивъ» 1879, кн. VI, стр. 218. Замѣтимъ, между прочимъ, что, судя по старому чертежу XVII в., входъ въ Ваганьковскій переулокъ съ Воздвиженки запирался воротами.

[4]) *Хавскій*: «Семисотлѣтіе Москвы». М. 1847 г., стр. 43, § 131.

царя Грознаго, Михаилъ Θеодоровичъ отдалъ своимъ ближайшимъ родственникамъ Стрѣшневымъ, отъ которыхъ это владѣніе перешло къ Нарышкинымъ [1]. Царь Алексѣй Михаиловичъ вмѣсто старыхъ палатъ построилъ здѣсь новыя каменныя [2], которыя теперь перестроены по новому проекту [3]. Но въ XVII в., при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, для Ваганькова начинается новый періодъ. Этому царю уже, повидимому, не нравилось Ваганьково. Это уже было мѣсто, густо заселенное, скученное—настоящій городъ. Алексѣй Михаиловичъ пробуетъ его очистить отъ лишняго населенія, отправивъ часть его въ выселки за Прѣсню. Такъ образовалось поселеніе Новое Ваганьково съ своимъ кладбицемъ и своею церковью опять таки въ честь Николая Чудотворца. Съ тѣхъ поръ наше Ваганьково стало именоваться Старымъ Ваганьковымъ въ отличіе отъ Новаго. Возникновеніе новаго общественнаго кладбища за городомъ въ Новомъ Ваганьковѣ, вѣроятно, находится въ связи съ извѣстнымъ распоряженіемъ, воспрещавшимъ хоронить умершихъ въ Кремлѣ [4]; это распоряженіе, очевидно, было распространено Алексѣемъ Михаиловичемъ и на княжескую вотчину въ Старомъ Ваганьковѣ, вслѣдствіе чего потребовалось образованіе новаго кладбища за городомъ.

Не смотря на эти мѣры Ваганьково, оставаясь въ вѣдѣніи казны, повидимому, утрачиваетъ съ этого времени значеніе лѣтней или вообще частной резиденціи князей и царей. Алексѣй Михаиловичъ ищетъ себѣ для этой цѣли мѣста, болѣе удаленнаго и привольнаго,— въ селѣ Коломенскомъ, а казенныя земли на Старомъ Ваганьковѣ раздаются по участкамъ дворовымъ людямъ, царскимъ стольникамъ и другимъ боярамъ, а также церквамъ и монастырямъ. Большую площадь Ваганькова занялъ Новый Монетный Дворъ (нынѣ Казенная Палата). Наконецъ, здѣсь Алексѣй Михаиловичъ помѣстилъ свою

---

[1]) *Забѣлинъ:* «Опричный дворецъ», стр. 12.

[2]) *Н. Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь въ бывомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Историческій очеркъ». Москва. 1893. стр. 110.

[3]) *А. Мартыновъ:* «Московская старина. Археологическая прогулка по московскимъ улицамъ» (улицы Моховая, Воздвиженка, Знаменка, Волхонка)—въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. 6, стр. 215, подъ № 24.

[4]) См. *Мартыновъ:* «Москва». I, стр. XXV и 155.

псарню. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ порожнее дворовое мѣсто на Ваганьковѣ у Монетнаго Двора было отдано царскою грамотою 1679 г. Флорищевой пустыни и Александровскому женскому монастырю пополамъ [1]). Въ XVIII в. на Старомъ Ваганьковѣ строится новый казенный дворъ для семейства царскаго брата, именно для царевны Прасковьи Ивановны, дочери Іоанна Алексѣевича, въ то время какъ другая его дочь, Екатерина Ивановна, имѣла свой дворецъ тутъ же по близости, подъ горой, у Лебяжьяго пруда [2]). Для постройки дворца царевны Прасковьи Ивановны была въ 1730 году отнята часть церковной земли, принадлежавшей церкви Михаила Малеина [3]). Слѣдовательно, этотъ дворецъ долженъ былъ находиться рядомъ съ нынѣшнимъ Румянцовскимъ Музеемъ или даже отчасти на мѣстѣ его [4]). Старый государевъ загородный дворъ указывается на Старомъ Ваганьковѣ (у церкви Дмитрія Солунскаго) вплоть до XVIII в. [5]). Но въ XVIII в. теченіе русской исторической жизни круто измѣняется, и первый русскій императоръ Петръ Алексѣевичъ уже не довольствуется ни Москвой, ни ея окрестностями, а стремится на сѣверозападъ, къ морю, къ Европѣ, и объ исторической роли Ваганькова не можетъ быть и рѣчи, когда и сама Москва уступаетъ эту роль своему новорожденному преемнику.

---

[1]) См. «Флорищева пустынь», *В. Георгіевскаго*. Вязники. 1896, стр. 327, грамота № 15. Часть этого владѣнія и доселѣ принадлежитъ Флорищевой пустыни (по Ваганьковскому переулку № 13).

[2]) См. планъ Москвы Мичурина 1739 г.

[3]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 103.

[4]) Неизвѣстно, впрочемъ, былъ ли этотъ дворецъ построенъ, такъ какъ въ слѣдующемъ же году (9 октября 1731) царевна Прасковья Ивановна скончалась. А. Мартыновъ въ личной запискѣ объ исторіи бывшаго дома Пашкова (нынѣ Румянцовскаго Музея), любезно доставленной Музею для свѣдѣнія, утверждаетъ, что именно здѣсь былъ «дворецъ царевны Прасковьи Іоанновны, по кончинѣ ея пожалованный, въ 1731 г., возвращенному изъ ссылки сыну князя Александра Даниловича Меньщикова лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручику князю Александру Александровичу (умершему въ 1764 г. въ чинѣ генералъ-аншефа); въ 1769 г. домъ значится за генералъ-поручикомъ отъ арміи Петромъ Григорьевичемъ Племянниковымъ; въ 1774 г.—за вдовою его Екатериной Григорьевной; въ 1784 г. принадлежитъ домъ Петру Егоровичу Пашкову», и т. д. Мы не знаемъ, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія и почему г. Мартыновъ не сообщилъ ихъ въ печати при описаніи этого владѣнія въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 215, подъ №№ 25 и 26.

[5]) *Мартыновъ:* «Москва», т. I, стр. 23, 108. Ср. *Забѣлинъ:* «Опричный дворецъ».

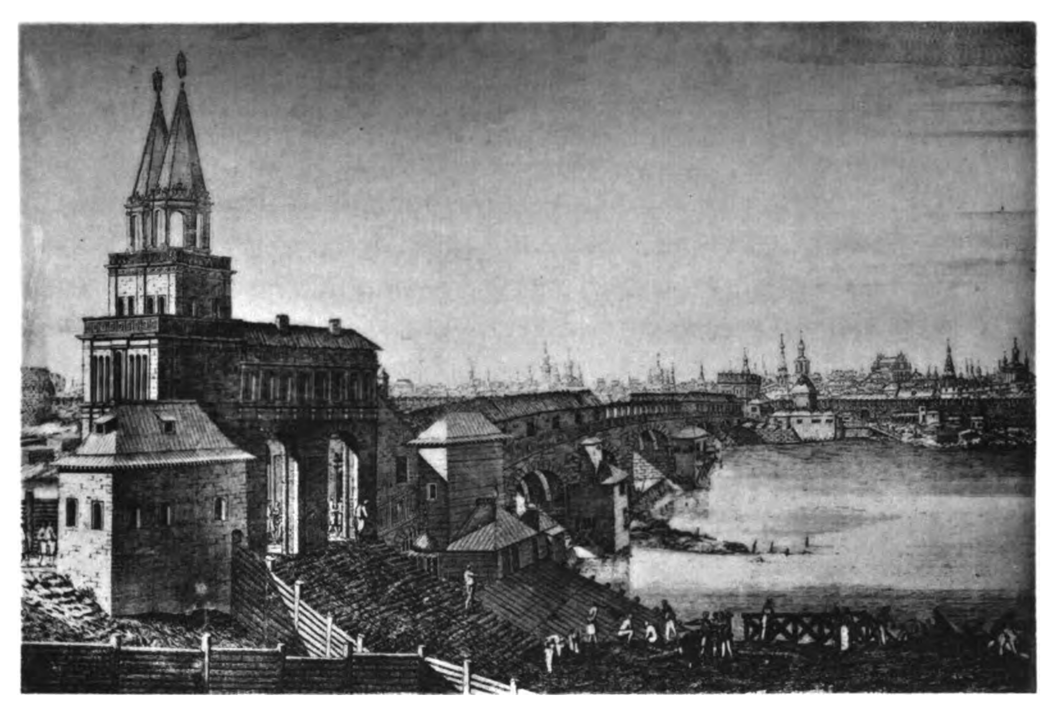
Прослѣдивъ такимъ образомъ историческую нить, связующую наше Ваганьково съ древнекняжескою резиденціею и съ великокняжескими и царскими родами, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: неужели не осталось здѣсь никакихъ вещественныхъ слѣдовъ той отдаленной эпохи? куда дѣвались всѣ эти княжескія и царскія зданія, здѣсь воздвигавшіяся? Церкви большею частью упразднены, дворцы истреблены неоднократными пожарами [1]), земли перешли въ частныя руки, и только по неяснымъ и неточнымъ рисункамъ древней Москвы можно видѣть слѣды высившихся здѣсь значительныхъ зданій, обращающихъ на себя наше вниманіе. Мы остановимся на одномъ рисункѣ, относящемся къ 1714 году и принадлежащемъ амстердамскому граверу *Петру Пикару* (Picart) [2]). Въ длинной панорамѣ Москвы начала XVIII ст. мы здѣсь находимъ и ту часть, которая вмѣщаетъ въ себѣ Кремль и прилегающія части, въ томъ числѣ и Новый Каменный мостъ со Стрѣлецкой слободою (см. прилагаемый рисун., *табл. III*, *№ 1*). Видъ представляетъ намъ эту часть изъ Замоскворѣчья отъ *Болота*, что за Каменнымъ мостомъ. Позади зданій Стрѣлецкой слободы, на Ваганьковскомъ холмѣ, правѣе Каменнаго моста, мы видимъ большое зданіе, которое совершенно выдѣляется изъ массы крышъ и куполовъ и поражаетъ какъ своею грандіозностію, такъ и характеромъ архитектуры. (*Рис. № 2* представляетъ это зданіе въ увеличенномъ видѣ.) Древній стиль врядъ ли можно въ немъ усмотрѣть, и скорѣе это зданіе носитъ на себѣ слѣды голландской архитектуры; его фасадъ напоминаетъ собою фасадъ дома Императорскаго Московскаго

---

[1]) См., напр., оффиціальное донесеніе Салтыкова императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о страшномъ пожарѣ 1737 г. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс. 1858, кн. 3, смѣсь; ср. *Мартыновъ:* «Москва», т. I, стр. XLV); мы имѣемъ точныя указанія и на болѣе ранніе пожары, напр. пожаръ 1591 г., испепелившій весь Бѣлый городъ (*Мартыновъ:* «Москва», I, стр. XX), или пожаръ 1547 г., начавшійся отъ церкви Воздвиженія и перешедшій на Кремль черезъ все Ваганьково (*Карамзинъ:* «Исторія Государства Россійскаго», 4-е изд. Смирдина, 1834 г., т. VIII, стр. 92); еще ранѣе пожаръ 1493 г., заставившій Іоанна III жить временно въ частномъ домѣ (*Соловьевъ:* «Исторія Россіи», нов. изд., кн. I, столб. 1532, 1542).

[2]) См. *Ровинскаго:* «Матеріалы для русской иконографіи», т. X. Описаніе гравюры и свѣдѣнія о Пикарѣ см. въ его же «Подробномъ словарѣ русскихъ граверовъ XV—XIX в.», посмертное изданіе, СПБ. 1895, столб. 518—524. На нашемъ рисункѣ (табл. III, № 1) воспроизведена только часть гравюры съ Каменнымъ мостомъ и Старымъ Ваганьковымъ.

III.

№ 1. Видъ на Ваганьково изъ Замоскворѣчья по рисунку Пикара, 1714 г. (къ стр. 40).

№ 2. Часть рисунка № 1 (увелич.).

№ 3. Домъ Пашкова послѣ 1812 г. (къ стр. 49).

Археологическаго Общества, какъ кажется, составляющій позднѣйшее подновленіе Петровскаго времени [1]). Кому могло принадлежать въ началѣ XVIII в. лучшее и громаднѣйшее зданіе на Старомъ Ваганьковѣ, приблизительно въ томъ пунктѣ его, гдѣ позднѣе возникъ дворецъ Пашкова, нынѣшній Румянцовскій Музей? Нѣкоторые полагаютъ, что это «домъ кн. Александра Александровича Менщикова, находившійся гдѣ-то въ этой мѣстности и имѣвшій значительные размѣры: 50 саж. длины и 30 саж. ширины, или же это дворецъ царевны Екатерины Ивановны» [2]). Но и то, и другое мнѣніе намъ кажется сомнительнымъ. Относительно дворца царевны Екатерины, какъ выше было упомянуто, есть прямое указаніе на планѣ Мичурина 1739 г., что онъ находился между Волхонкою (по тогдашнему Пречистенкою) и Лебяжьимъ переулкомъ (прежнимъ Лебяжьимъ прудомъ) [3]). Слѣдовательно, этотъ дворецъ долженъ былъ бы находиться, во-первыхъ, лѣвѣе интересующаго насъ зданія, а во-вторыхъ, не на горѣ, а пониже, а именно тамъ, гдѣ теперь домъ княгини Хилковой, въ Лебяжьемъ переулкѣ [4]). Что же касается дома кн. Менщикова, то по переписи московскихъ дворовъ XVIII в. (1716, 1718, 1720 гг.) владѣнія Менщиковыхъ не значатся въ этой мѣстности [5]); только въ 1812 г. на Знаменкѣ значится домовладѣлецъ Сергѣй Александровичъ Менщиковъ, владѣвшій до 1822 г. теперешнимъ домомъ Шевелкиной, противъ Румянцовскаго Музея; но передъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ съ 1738 г., это владѣніе не принадлежало Менщиковымъ [6]). Поэтому врядъ ли можно предполагать, чтобы на рисункѣ 1714 г. Пикаръ хотѣлъ здѣсь помѣстить домъ Менщикова. Скорѣе всего это какое-нибудь казенное зданіе — не старый ли Потѣшный дворъ, можетъ быть возобновленный въ XVIII в.? Фасадъ

---

[1] Видъ дома Московскаго Археологическаго Общества приложенъ къ V тому «Древностей», издаваемыхъ Обществомъ.

[2]) Предположенія эти любезно сообщены намъ И. Е. Забѣлинымъ въ личномъ письмѣ.

[3]) См. на планѣ Мичурина въ Бѣломъ городѣ подъ № 95; у Мартынова, «Москва», т. I, стр. 204.

[4]) Дальнѣйшую судьбу этого дома и владѣнія см. въ Описаніи московскихъ улицъ *А. Мартынова*, въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 220, подъ № 9.

[5]) См. «Переписи московскихъ дворовъ XVIII ст.» Москва, 1896, стр. 2—4.

[6]) *Мартыновъ*, въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн VI, описаніе московскихъ улицъ, подъ №№ 12—13.

этого дома обращенъ, очевидно, къ Кремлю, такъ что онъ стоялъ или по Моховой, или выше по Ваганьковскому переулку, и такъ какъ задняя сторона дома представляетъ, повидимому, одинаковый фасадъ съ переднею, то скорѣе всего домъ стоялъ однимъ фасадомъ на Моховую, а другимъ на Ваганьковскій переулокъ, гдѣ и былъ собственно центръ этого загороднаго великокняжескаго и царскаго владѣнія.

Гдѣ именно былъ Ваганьковскій *Государевъ дворъ*, изслѣдователи въ точности не могутъ указать, но правильнѣе всего будетъ думать, что онъ былъ на мѣстѣ, изстари принадлежавшемъ двору, именно на томъ мѣстѣ, которымъ Юрій Васильевичъ владѣлъ въ XV в. и затѣмъ отказалъ его великому князю Іоанну III. А это мѣсто было, какъ кажется, именно тамъ, гдѣ стоитъ на Пикаровскомъ рисункѣ этотъ загадочный домъ, выдѣляющійся надъ всею горой, и гдѣ впослѣдствіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, возникъ еще болѣе величественный дворецъ Пашкова. Тутъ была дворцовая ружная церковь въ честь св. Михаила Малеина; тутъ еще въ XVIII в. были *дворовыя мѣста*, отчасти уступленныя раньше причту церкви Михаила Малеина, у котораго въ 1730 году «подъ постройку дворца государыни царевны Параскевы Іоанновны было отобрано и отгорожено земли саженъ съ семь и болѣе» [1]). Нѣкоторыя данныя для подтвержденія нашей мысли находимъ въ самой завѣщательной грамотѣ Юрія Васильевича. Онъ уступаетъ, какъ выше мы выписали, всю свою Ваганьковскую вотчину Іоанну III, исключая одной ея части: «опричь того мѣста, что есть того-жъ Ваганькова далъ Великому Николѣ въ домъ на Пѣсношъ». Въ качествѣ Дмитровскаго князя, Юрій Васильевичъ имѣлъ попеченіе о Пѣшношскомъ монастырѣ, находившемся въ его области. Еще въ 1468 г. онъ пожертвовалъ туда серебряное, золоченое кадило [2]), около того же времени отдѣлилъ, вѣроятно, и часть своей московской вотчины, а въ своемъ завѣщаніи 1472 г. онъ только напоминаетъ объ этомъ Іоанну III, чтобы онъ не присвоилъ себѣ и эту монастырскую землю. Гдѣ же была эта земля? Несомнѣнно тамъ, гдѣ впослѣдствіи было подворье Пѣшношскаго монастыря, т. е. если

[1]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 102—103.

[2]) См. «Историческое описаніе мужского общежительнаго монастыря св. чудотворца Николая, что на Пѣшношѣ». Москва. 1893, стр. 35, 36 и 124.

не на самомъ мѣстѣ зданія нашего музея, то по крайней мѣрѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ музейская церковь, именуемая Николою что въ Старомъ Ваганьковѣ, и гдѣ находится принадлежащая этой церкви земля, занятая теперь домомъ причта Крестовоздвиженской церкви. Эта церковь Николы въ Ваганьковѣ, по мнѣнію Снегирева, поставлена именно на мѣстѣ бывшаго Пѣшношскаго подворья [1]), и по своему мѣстоположенію сперва слыла у *Государева двора*, а потомъ, когда вмѣсто стараго двора поставленъ новый,—у *новаго государева двора* [2]). Вслѣдствіе извѣстнаго указа императрицы Екатерины II 1764 г., Пѣшношскій монастырь, въ числѣ многихъ другихъ, былъ закрытъ, и земли его поступили въ вѣдомство экономій. Тогда, очевидно, отошла въ казну и земля Пѣшношскаго подворья на Старомъ Ваганьковѣ, а церковь Николы осталась какъ приходская. Хотя монастырь черезъ 2 года былъ возстановленъ, но земля на Ваганьковѣ уже къ нему не возвращалась, вѣроятно потому, что была продана въ частныя руки [3]). Здѣсь, слѣдовательно, и была земля и княжескій дворъ Юрія Васильевича, перешедшіе съ Іоанна III въ большую государеву казну, т. е. во владѣніе великаго князя.

Не рѣшая окончательно вопроса о загадочномъ зданіи Пикаровскаго рисунка, можемъ только высказать пожеланіе, чтобы оно когда-нибудь было возстановлено и составило бы, рядомъ съ чуднымъ зданіемъ Музея, украшеніе этого историческаго мѣста [4]). А теперь перейдемъ къ зданію Музея.

---

[1]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 93.

[2]) Это наименованіе «у государева двора» можно впрочемъ отнести и къ церкви Благовѣщенія, находившейся черезъ переулокъ отъ Николо-Ваганьковской (гдѣ теперь домъ г. Семенова); въ этой церкви какъ будто тоже былъ придѣлъ во имя Николая Чудотворца, или можетъ быть нынѣшняя Николо-Ваганьковская церковь считалась нѣкогда, временно, приписною къ церкви Благовѣщенія. Свѣдѣнія объ этихъ церквахъ у Мартынова («Москва», I, 153—154) и у Хавскаго («Семисотлѣтіе Москвы», см указатель) какъ-то спутаны. Хавскій даже показываетъ, что Николо-Ваганьковская церковь была сломана («Семисотлѣтіе Москвы», §§ 137, 1631, 1851а).

[3]) См. выше названное описаніе Пѣшношскаго монастыря, стр. 67 и 130.

[4]) Означенное зданіе, видимое на рисункѣ Пикара 1714 года, вѣроятно, погибло во время упомянутаго выше Троицкаго пожара при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 г., и потому оно уже не отмѣчено ни на планѣ Мичурина 1739 г., ни на позднѣйшемъ планѣ М. М. Махаева послѣ 1740 г., при которомъ приложенъ рисунокъ этой мѣстности. (См. «Recueil de toutes les cartes, publiées par l'Académie de Pétersbourg. A Paris». Планъ Махаева, табл. № 86; планъ Мичурина, табл. № 85).

На рисункѣ Пикара 1714 г. этого зданія нѣтъ и не могло быть, потому что оно выстроено только въ концѣ XVIII в. По Моховой улицѣ тогда были въ двухъ мѣстахъ владѣнія Пашковыхъ: одно было на углу Никитской и Моховой, на мѣстѣ нынѣшняго новаго зданія университета; оно принадлежало въ 1793 году женѣ коллежскаго ассессора Александра Ильича Пашкова, Даріи Ивановнѣ Пашковой, урожденной Мясниковой (о нихъ рѣчь будетъ ниже), а отъ нея въ 1826 г. перешло къ сыну ея, оберъ-егермейстеру Василію Александровичу Пашкову († 1834), отъ котораго это владѣніе еще въ 1833 г. пріобрѣтено казною для Московскаго университета [1]). Другое владѣніе Пашковыхъ было у Знаменки, рядомъ съ древними церквами: дворцовой во имя св. Михаила Малеина и приходской церковью Николы въ Ваганьковѣ; нынѣшней музейской, съ придѣломъ 40 мучениковъ, который выступалъ отдѣльнымъ зданіемъ въ Ваганьковскій переулокъ [2]). Владѣлецъ этого послѣдняго участка, гвардіи капитанъ-поручикъ Петръ Егоровичъ Пашковъ, въ 1784 г. получилъ еще часть земли отъ упраздненной церкви Михаила Малеина и бывшихъ близъ нея Тургеневскихъ богадѣленъ и приступилъ къ постройкѣ своего дворца, долженствовавшаго быть своего рода «чудомъ архитектурнаго искусства» [3]). Къ сожалѣнію, о личности Петра Егоровича Пашкова, перваго владѣльца и устроителя столь извѣстнаго впослѣдствіи «дома Пашкова», какъ онъ и до сихъ поръ слыветъ въ народѣ, намъ очень мало извѣстно [4]). Онъ родился въ 1721 г. и былъ сыномъ Егора Ивановича Пашкова, денщика Петра I, служившаго при Петрѣ II бригадиромъ, затѣмъ вице-губернаторомъ въ Воронежѣ (1730) [5]), губернаторомъ въ Астрахани (1735), наконецъ членомъ военной коллегіи († 1740). У Егора Ивановича былъ братъ Илья Ивановичъ, полковникъ, имѣвшій сына

---

[1]) *Мартыновъ:* «Московская старина» — въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 214, подъ № 22.

[2]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 94, примѣч. 187.

[3]) *Мартыновъ:* «Московская старина», — въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 215.

[4]) См. «Русскую Родословную книгу» князя *А. Б. Лобанова-Ростовскаго* 2-е изд. Суворина, СПБ. 1895, т. II, стр. 78—79. См. еще *Соловьева* Исторію Россіи, новое изданіе въ 6-ти книгахъ. Книга IV, указатель.

[5]) См. «Осмнадцатый вѣкъ». Историческій сборникъ, изд. *П. И. Бартеневымъ.* Кн. III, стр. 151—152, 154.

Александра Ильича (род. 1734 г.), который приходился, слѣдовательно, двоюроднымъ братомъ Петру Егоровичу и былъ моложе его 13-ю годами. Самъ же Петръ Егоровичъ умеръ бездѣтнымъ († 1790 г.). Жена его Ѳеодосія Ивановна, урожденная Шипова, немногимъ пережила его и умерла послѣ 1790 г. [1]). Такимъ образомъ домъ и все владѣніе Петра Егоровича должно было перейти къ его двоюродному брату, коллежскому ассессору Александру Ильичу Пашкову [2]), женатому на Даріи Ивановнѣ Мясниковой, изъ богатаго купеческаго дома. Вѣроятно, эта женитьба дала новому владѣльцу средства на украшеніе и расширеніе дома и владѣнія [3]). Въ 1792 г., желая расчистить больше мѣста для своего зданія и двора со стороны Ваганьковскаго переулка, онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе разобрать обветшавшую и оставленную уже безъ службы церковку 40 мучениковъ, о которой онъ въ своемъ прошеніи выражается, что она «по ветхости ея одно только безобразіе дѣлаетъ и занимаетъ мѣсто напрасно». Изъ матеріала отъ сломанной церкви онъ устроилъ каменную ограду вокругъ Николо-Ваганьковской церкви, низкую, «чтобъ не могла закрывать хорошева виду», и обсадилъ церковь деревьями [4]). Въ 1807 г. онъ пріобрѣлъ себѣ за 1000 руб. часть земли послѣ упраздненной Михаило-Малеинской церкви «съ прикупкою для жительства пономарей (Николо-Ваганьковской церкви?) бѣлой земли» [5]). Позади дома, къ переулку, онъ настроилъ нежилыхъ хозяйственныхъ строеній, вслѣдствіе чего возникла жалоба священника Николо-Ваганьковской церкви, что прихожанинъ этой церкви Александръ Пашковъ сдѣлалъ при церкви *безобразіе*, настроивъ вокругъ нея конюшенъ и хлѣвовъ,

---

[1]) См. *В. В. Руммель* и *В. В. Голубцовъ:* «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», изд. Суворина, СПБ. 1887, т. II, стр. 734.

[2]) Достовѣрнымъ владѣльцемъ этого имѣнія Александръ Ильичъ показанъ нѣсколько позднѣе 1790 г., именно въ 1802 году (См. *Мартынова:* «Московская старина» — въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 215). Но это врядъ ли можетъ служить противорѣчіемъ.

[3]) Мясниковымъ, въ томъ числѣ и Даріи Ивановнѣ Пашковой, между прочимъ принадлежали мѣдные рудники въ Оренбургской губ. и нѣсколько заводовъ, которые потомъ перешли къ Пашковымъ. См. «Родословную книгу» кн. *Лобанова-Ростовскаго*, т. II, стр. 285—288 (Твердышевы и Мясниковы).

[4]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 95.

[5]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», стр. 68 и 104.

«къ крайнему стѣсненію храма» [1]). Годъ смерти Александра Ильича Пашкова въ родословной не показанъ [2]). Но можно предположить, что онъ жилъ не далѣе 1810 г. (ему въ этомъ году было бы 76 лѣтъ отъ роду), такъ какъ есть свѣдѣніе, что въ 1810 году владѣніе уже переходитъ къ сыну его Алексѣю Александровичу Пашкову, бригадиру (род. 1760 г. † 5 дек. 1831 г.), братъ котораго, упомянутый выше Василій Александровичъ, владѣлъ участкомъ на углу Никитской и Моховой. Отъ Алексѣя Александровича Пашковскій домъ переходитъ въ 1839 году къ дочери его, Даріи Алексѣевнѣ, бывшей замужемъ за гвардіи прапорщикомъ Николаемъ Петровичемъ Полтавцевымъ [3]). Отъ Полтавцевыхъ бывшій домъ Пашкова, по Высочайшему повелѣнію, пріобрѣтенъ въ 1839 году для университетскаго Дворянскаго Института, въ вѣдѣніе котораго передана и Николо-Ваганьковская церковь въ 1842 г. Такъ началась историческая связь этого знаменитаго дома съ Московскимъ Университетомъ,—связь, какъ бы преднамѣченная внѣшнимъ образомъ уже тѣмъ, что и часть зданій университета возникла, какъ сказано выше, на бывшемъ владѣніи тѣхъ же Пашковыхъ. Потомъ съ 1852 г. временно въ этомъ домѣ помѣщалась Московская 4-я гимназія; наконецъ, благодаря стараніямъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Николая Васильевича Исакова, перваго директора Музея, съ Высочайшаго повелѣнія отъ 23 мая 1861 г., сюда переведенъ изъ Петербурга Румянцовскій Музей [4]), при немъ основана публичная библіотека, и съ тѣхъ поръ это зданіе съ заключающимися въ немъ богатствами науки и искусства стало если не вторымъ университетомъ, то во всякомъ случаѣ необходимымъ дополненіемъ къ университету.

---

[1]) *Кедровъ*, тамъ же, стр. 95.

[2]) Кн. *Лобановъ-Ростовскій:* «Русская Родословная книга», II, стр. 79, № 35; для дальнѣйшаго см. также №№ 42 и 52.

[3]) Такую хронологію исторіи дома даетъ *А. Мартыновъ* въ «Русскомъ Архивѣ» 1879, кн. VI, стр. 215. Но здѣсь необходимо отмѣтить противорѣчіе, которое мы не можемъ разъяснить за неимѣніемъ данныхъ: по свѣдѣніямъ г. Мартынова, домъ перешелъ къ Даріи Алексѣевнѣ Полтавцевой въ 1839 году, между тѣмъ какъ по родословной (*Лобановъ-Ростовскій*, стр. 81) Дарія Алексѣевна Полтавцева умерла въ 1830 году.

[4]) См. «Отчетъ по Московскому Публичному Музею отъ времени основанія его до 1 января 1864 г.» СПБ. 1864, стр. 9.

Въ теченіе всего этого длиннаго періода времени съ конца прошлаго вѣка это зданіе, конечно, испытало на себѣ не мало перемѣнъ: уже одинъ 1812-й годъ не могъ не коснуться его своей разрушительной силой. Является вопросъ: каковъ же былъ первоначальный видъ дома и какъ онъ видоизмѣнялся съ переходомъ отъ одного владѣльца къ другому, а также отъ разныхъ внѣшнихъ причинъ?

Древнѣйшее изображеніе Пашковскаго дворца мы имѣемъ отъ времени, близкаго къ первоначальному построенію его. Нѣмецкій живописецъ *Фридрихъ Антингъ* (Anthing), родившійся въ половинѣ прошлаго вѣка въ Готѣ, сопутствовавшій Суворову въ его походѣ противъ Польши въ качествѣ историка, много путешествовавшій по разнымъ городамъ Европы и Россіи и умершій въ 1805 г. въ Петербургѣ [1]), бывалъ также въ Москвѣ и въ своемъ альбомѣ, который хранится въ Готѣ, какъ весьма цѣнная и любопытная вещь, сохранилъ также зарисованный имъ видъ Пашковскаго дома (*см. табл. IV, рис. № 1*). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ которомъ именно году сдѣланъ этотъ рисунокъ, и слѣдовательно не можемъ съ точностью сказать, при которомъ изъ Пашковыхъ домъ представлялся въ такомъ видѣ. Несомнѣнно только, что въ 1792 году и, можетъ быть, въ 1793 Антингъ былъ въ Москвѣ [2]). Если домъ зарисованъ до 1790 г., то это совпадетъ со временемъ перваго владѣльца Петра Егоровича Пашкова, а если послѣ 1790 г., то домъ уже, какъ мы видѣли, принадлежалъ его двоюродному брату, Александру Ильичу Пашкову. На этомъ рисункѣ прежде всего бросается въ глаза присутствіе на вершинѣ купола статуи Минервы, которая на позднѣйшихъ рисункахъ нигдѣ не повторяется и которая составляетъ прекрасное завершеніе всего зданія, достойное возстановленія. Подъ бельведеромъ, надъ выступающимъ фронтономъ виднѣется что-то въ родѣ герба или фантастическаго украшенія, теперь также несуществующаго. Подъ горой, по спуску горы къ Моховой—садъ

---

[1]) См. «Nouvelle Biographie Universelle», publiée par M. M. Firmin Didot frères, Paris, 1852, vol. 1.

[2]) См. каталогъ фирмы Freder. Muller et C° (въ Амстердамѣ): «Documents historiques et généalogiques autographes. Collections Baart de la Faille et Vitringa», стр. 37, 38. Атласъ Антинга изданъ въ 1811 году Рихтеромъ. Копіи его рисунковъ имѣются у П. А. Ефремова, который предоставилъ намъ изъ своей коллекціи видъ Пашковскаго дома.

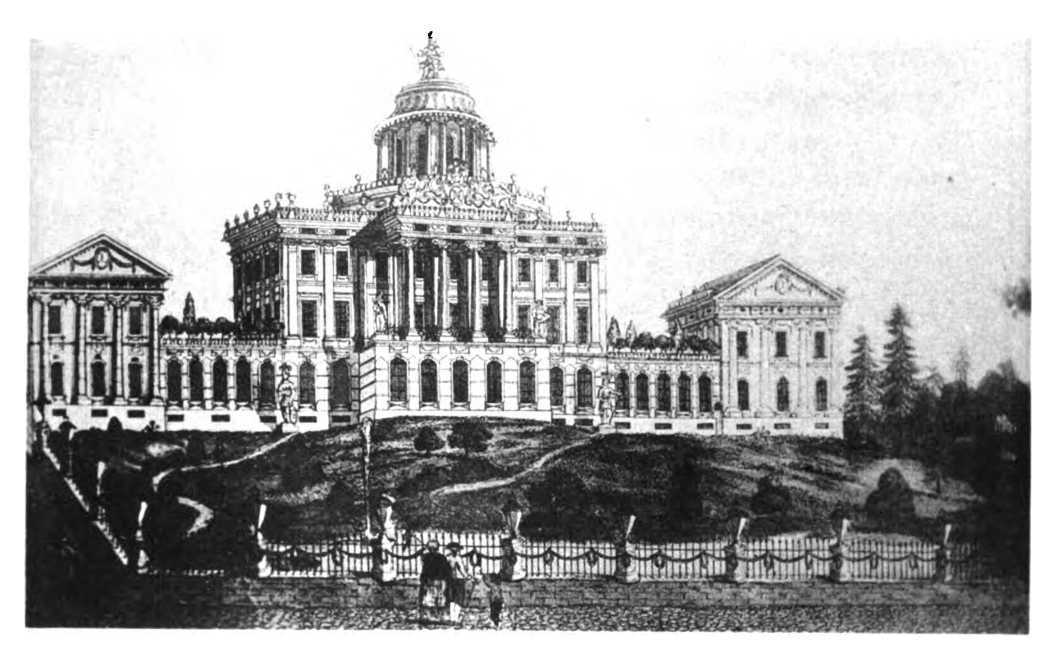
и въ немъ у ограды, украшенной снесенными теперь фонарями, виднѣется прудъ, отъ котораго въ настоящее время не осталось и слѣда; на крышѣ между главнымъ зданіемъ и флигелями разставлены оранжерейныя деревья. Въ остальномъ внѣшній видъ не отличается отъ теперешняго. Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II другой иностранный художникъ *Guerard de la Barthe* составилъ альбомъ Москвы, который такъ понравился императору Павлу Петровичу, что онъ выразилъ желаніе видѣть его напечатаннымъ, что и исполнено было въ 1799 г. «иждивеніемъ Іоанна Валзера Московской 1-й гильдіи купца (entrepris aux fraix de *Jean Walser*)». Здѣсь также находимъ большой рисунокъ дома Пашкова *(см. табл. V)* и прилегающей мѣстности, сдѣланный въ 1795 г., какъ видно изъ подписи художника. Правѣе дома здѣсь видимъ еще отчетливо нарисованную древнюю церковь Михаила Малеина, а лѣвѣе церковь Николы Стрѣлецкаго на углу Знаменки; внизу немощеная Моховая улица, безъ тротуара около сада, съ громаднымъ фонарнымъ столбомъ. Садъ около дома Пашкова уже больше разросшійся, чѣмъ на предыдущемъ рисункѣ, прудъ обдѣланъ камнемъ, въ немъ бьютъ фонтаны и плаваютъ лебеди. Но на этомъ рисункѣ уже нѣтъ Минервы на вершинѣ бельведера, не смотря на то, что такой короткій промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ отдѣляетъ этотъ рисунокъ отъ вышеописаннаго, и владѣлецъ дома, можетъ быть, оставался тотъ же. Это вызываетъ сомнѣніе на счетъ того, была ли на самомъ дѣлѣ эта статуя и передъ тѣмъ. Отъ времени второго владѣльца дома, Александра Ильича Пашкова, мы имѣемъ также рисунокъ, сдѣланный путешественникомъ *Кларкомъ* (E. D. Clarke) около 1809 г.[1] *(см. табл. IV, № 2)*. Однако этотъ рисунокъ наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Во-первыхъ, здѣсь мы видимъ ту же церковь Михаило-Малеинскую, между тѣмъ какъ по документальнымъ даннымъ она была сломана уже въ концѣ прошлаго столѣтія, а землю послѣ нея Александръ Ильичъ Пашковъ купилъ себѣ подъ выстройку (вѣроятно добавочныхъ дворовыхъ строеній) еще въ 1807 г. [2]). Не поль-

---

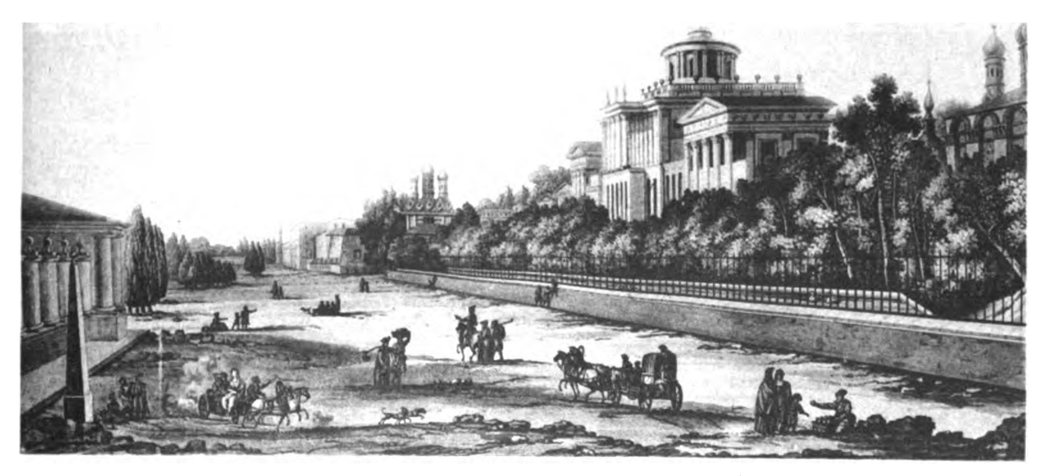
[1]) См. каталогъ библіотеки *Н. Бокачева*, т. II, вып. II—III, стр 65, № 369.

[2]) *Кедровъ:* «Крестовоздвиженская церковь», 68 и 104 (имя и отчество Пашкова здѣсь спутаны; ср. *Мартыновъ*—въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 215).

IV.

№ 1. Домъ Пашкова по рисунку Антинга, конца XVIII в. (къ стр. 47).

№ 2. Домъ Пашкова по рисунку Кларка, начала XIX в. (къ стр. 48).

Домъ Пашкова по рисунку де-ла-Бартъ, 1795 г. (къ стр. 48).

зовался ли художникъ готовымъ рисункомъ Барта 1795 г., не справляясь съ дѣйствительностью? Но рѣшетка другая, фонарей на ней нѣтъ, равно какъ и фонтановъ въ прудѣ; сомнительна также эта площадь на мѣстѣ Волхонки, заросшая тополями, составляющими, очевидно, фантазію художника. Сомнительны на самомъ домѣ эти три статуйки на верху выступающаго фронтона, какъ будто художникъ смутно помнилъ о какихъ-то статуяхъ на фасадахъ дома (ср. рисунокъ Антинга), но по памяти поставилъ ихъ не туда, куда слѣдуетъ; а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это была прибавка со стороны новаго владѣльца дома какъ бы взамѣнъ исчезнувшей верхней статуи Минервы. Такъ какъ это было передъ самымъ нашествіемъ Французовъ, то провѣрить справедливость этого предположенія дальнѣйшими рисунками нѣтъ возможности, потому что въ 1812 г. въ общемъ пожарѣ Москвы не уцѣлѣло и это зданіе. Верхній куполъ его, такъ какъ онъ былъ, вѣроятно, деревянный, весь сгорѣлъ, и домъ въ такомъ видѣ оставался долгое время. Въ 1817 году Джонсонъ путешествовалъ изъ Индіи въ Англію, черезъ Россію. Въ Москву онъ, правда, не заѣзжалъ, но говоритъ о ней по слухамъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ французскаго погрома. Переводчикъ путешествія Джонсона на французскій языкъ, для полноты, сообщаетъ въ примѣчаніи свѣдѣнія о Москвѣ по извѣстнымъ ему описаніямъ какихъ-то «новѣйшихъ путешественниковъ», упоминая и о домѣ Пашкова, въ числѣ самыхъ красивыхъ зданій Бѣлаго города. Этотъ переводъ изданъ въ 1819 г., и по смыслу примѣчанія домъ Пашкова въ это время уже былъ отстроенъ послѣ пожара, но вѣроятно невполнѣ [1]). Приложенная къ книгѣ картинка (*см. табл. III, № 3*) представляетъ домъ безъ купола и даже какъ будто безъ крыши въ средней части зданія, а боковыя крылья покрыты повидимому временной крышей. Очевидно, рисунокъ сдѣланъ нѣсколькими годами раньше изданія книги, слѣдовательно вскорѣ послѣ пожара 1812 г., но откуда этотъ рисунокъ заимствованъ—неизвѣстно. Неотстроенными здѣсь представлены и сосѣдніе дома; изъ нихъ въ подписи, кромѣ дома Пашковыхъ, еще поименованы дома

[1]) «Voyage de l'Inde en Angleterre par la Perse, la Géorgie, la Russie, la Pologne et la Prusse, fait en 1817, par le lieutenant-colonel *Johnson;* traduit de l'anglais par le traducteur du Voyage de Maxwell». Paris, 1819, vol. 2, p. 120.

Менщикова и Апраксина, изъ которыхъ первый, какъ сказано было выше, находился на Знаменкѣ, гдѣ домъ Шевелкиныхъ, рядомъ съ церковью Николы Стрѣлецкаго, противъ Музея; что же касается упомянутаго здѣсь дома Апраксина, то подъ нимъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть находившійся дальше по Знаменкѣ же домъ на мѣстѣ нынѣшняго Александровскаго Военнаго Училища, принадлежавшій съ 1793 по 1832 г. генералъ-маіору Степану Степановичу Апраксину и имѣвшій довольно значительные размѣры, такъ какъ здѣсь послѣ холеры 1830 г. былъ устроенъ Сиротскій институтъ, а потомъ Кадетскій корпусъ [1]). Картинка, слѣдовательно, представляетъ Знаменку съ главными зданіями на ней, съ церковью Николы Стрѣлецкаго, и берегъ рѣки Неглинки съ деревяннымъ мостикомъ черезъ нее къ Знаменкѣ, носившимъ названіе Боровицкаго моста.

Въ памятный 1812 годъ и позднѣе до 30-хъ годовъ домъ, какъ выше было сказано, уже принадлежалъ третьему владѣльцу, бригадиру Алексѣю Александровичу Пашкову. Онъ, очевидно, и реставрировалъ зданіе послѣ пожара, стараясь, по возможности, возвратить ему прежній внѣшній видъ. На панорамѣ Москвы, принадлежащей Петру Ивановичу Щукину [2]) и нарисованной, по предположенію владѣльца, около 1818 года, домъ Пашкова, изображенный, правда, не совсѣмъ точно, представляется уже съ куполомъ, хотя нѣкоторыя зданія въ окрестности остаются еще не отстроенными послѣ пожара 1812 года. Въ 1833 году на домѣ несомнѣнно уже былъ куполъ съ бельведеромъ [3]), но все таки безъ статуи наверху и безъ тѣхъ трехъ фигуръ, которыя стоятъ на рисункѣ 1809 г. Но зато въ этотъ смутный періодъ времени вышка

---

[1]) Рядомъ съ этимъ домомъ въ 1750 г. числится другой, принадлежавшій графу Θеодору Алексѣевичу Апраксину (*Мартыновъ* — въ «Русскомъ Архивѣ», 1879, кн. VI, стр. 221). Еще раньше, въ 1738 г., графиня Ел. Мих. Апраксина владѣла домомъ, принадлежащимъ теперь М. С. Бутурлиной, на Знаменкѣ же, наискосокъ отъ Александровскаго Военнаго Училища, а на Мичуринскомъ планѣ 1739 г. (см. *Мартыновъ:* «Москва», т. I, стр. 204, № 96) еще одно бывшее владѣніе генералъ-адмирала Θеодора Матвѣевича Апраксина показано на углу Моховой и Никитской, гдѣ университетская церковь, но оно на картинкѣ при книгѣ Джонсона не можетъ быть видно.

[2]) Картина находится въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, по Малой Грузинской улицѣ, и была любезно показана намъ владѣльцемъ.

[3]) См. «Новый путеводитель по Москвѣ», Москва. 1833 г.

Пашковскаго дома удостоилась посѣщенія трехъ знаменитыхъ особъ нѣмецкаго царственнаго дома, а именно съ нея обозрѣвалъ въ 1818 г. испепеленную еще Москву германскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ своимъ сыномъ, будущимъ императоромъ Вильгельмомъ I, и другимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV [1]). Отсюда онъ кланялся Москвѣ и благодарилъ ее, какъ спасительницу Европы отъ Наполеона [2]). Этотъ знаменательный моментъ, какъ извѣстно, далъ идею художнику Матвѣеву для его картины, недавно фигурировавшей на одной изъ художественныхъ выставокъ 1896 г. [3]).

Какъ первые рисунки дома сдѣланы были Нѣмцами, такъ и первое описаніе, составленное, повидимому, вскорѣ послѣ его построенія, находимъ въ довольно рѣдкой нѣмецкой книжечкѣ Рихтера [4]). Характерно, что, при отсутствіи русскаго описанія этого замѣчательнаго дома, переводчикъ сочиненія Рихтера на русскій языкъ не воспользовался даже чужимъ трудомъ для своихъ читателей и выпустилъ описаніе Пашковскаго дома, оставивъ его наименованіе только въ одномъ оглавленіи [5]). Описаніе Рихтера можно приноровить приблизительно къ тому рисунку дома (1795 г.), который относится почти къ тому же времени, какъ и самое описаніе: и книжка Рихтера и рисунокъ Барта опубликованы въ 1799 г. Вотъ, что пишетъ Рихтеръ о Пашковскомъ домѣ, какъ очевидецъ: «Въ многолюдной части города, на Моховой, недалеко отъ Каменнаго моста, на значительной высотѣ высится этотъ волшебный замокъ (Feenschloss). Сзади, изъ переулка входишь, черезъ великолѣпный порталъ, въ просторный дворъ, расширяющійся мало-помалу отъ воротъ. Въ глубинѣ этого двора видишь дворецъ, въ который ведутъ нѣсколько ступеней. Съ одной стороны двора — конюшни, съ другой — манежъ (Reitbahn) — два прекрасныя зданія. Два входа ведутъ въ домъ. По нимъ достигаешь до верхняго помѣщенія и на просторную вышку въ

---

[1]) Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится портретъ Фридриха-Вильгельма III, помѣченный именно 1818-мъ годомъ.

[2]) См. «Русскій Архивъ», 1896, № 2.

[3]) Фотографическая копія съ этой картины имѣется въ Румянцовскомъ Музеѣ, какъ даръ самого художника.

[4]) *Joh. Richter:* «Moskwa. Eine Skizze». Leipzig, 1799, pp. 81—84.

[5]) См. «Москва—начертаніе, переводъ съ нѣмецкаго». Москва 1801. гл. 8.

куполѣ дома, откуда — прелестнѣйшій видъ на всю Москву. Самый домъ состоитъ изъ главнаго зданія и двухъ флигелей, соединенныхъ галлереями съ главнымъ зданіемъ. Въ срединѣ онъ имѣетъ выступъ съ большими сводчатыми окнами и съ двумя парадными выходами въ садъ [1]). Выступъ этотъ въ первомъ этажѣ образуетъ балконъ, покоящійся на тосканскихъ колоннахъ. Высоко надъ этимъ балкономъ паритъ гербъ Пашкова, подпертый коринѳскими колоннами, кои, какъ и все зданіе, представляютъ образецъ равномѣрности и симметріи. На одной сторонѣ балкона, украшеннаго между колоннами полною вкуса рѣшеткой, стоитъ богиня Флора, на другой — Церера. Гербъ подпертъ двумя полулежачими фигурами. Вверху— куполъ, оканчивающійся бельведеромъ, окруженнымъ двойными колоннами. Флигеля украшены рядами колоннъ, и все— обращикъ симметріи и эвритміи. Еще стоятъ двѣ колоссальныя статуи передъ домомъ, на самыхъ высокихъ пунктахъ сада—-Марсъ и Минерва, принадлежащія, какъ и прочія фигуры, къ лучшимъ произведеніямъ рѣзца. Пройдя сквозь домъ, придешь къ романтическому виду на передней сторонѣ дома на улицу. По безпорядочно закривленнымъ и змѣящимся дорожкамъ сходишь внизъ кустарникомъ по склону горы, на которой стоитъ домъ. Внизу два каменные бассейна, въ серединѣ коихъ находится фонтанъ, а отъ улицы все отдѣляется желѣзной рѣшеткой отличной работы. Садъ и прудъ кишатъ иноземными рѣдкими птицами. Китайскіе гуси, разныхъ породъ попугаи, бѣлые и пестрые павлины находятся здѣсь либо на свободѣ, либо висятъ въ дорогихъ клѣткахъ. Ради этихъ рѣдкостей и прекраснаго вида, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ собирается здѣсь множество народа. Садъ, домъ, дворъ, конюшни кишатъ людьми, и даже рѣшетка съ улицы усажена любопытными. Всюду входъ открытъ, двери не заперты, а тамъ и сямъ поставленные слуги вѣжливо даютъ указанія спрашивающимъ. Владѣлецъ и строитель (Besitzer und Erbauer) этого волшебнаго замка — старый и разбитый (contrakter) человѣкъ, по фамиліи Пашковъ, котораго уже много лѣтъ возятъ въ креслѣ.

---

[1]) Въ настоящее время имѣется одинъ выходъ изъ центральнаго зданія въ садъ.

Впечатлѣніе, производимое домомъ при освѣщеніи, неописуемо. Эта иллюминація принадлежала при коронаціонныхъ торжествахъ, несомнѣнно, къ лучшимъ въ огромной Москвѣ». Вообще домъ Пашкова въ числѣ частныхъ зданій, по мнѣнію автора, безспорно занимаетъ первое мѣсто [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что Пашковскій садъ былъ любимымъ мѣстомъ гулянія для народа, между тѣмъ какъ въ Орловскомъ саду (т. е. нынѣшнемъ Нескучномъ) собиралась преимущественно чистая публика [2]). Къ сожалѣнію, Рихтеръ не назвалъ по имени того Пашкова, котораго онъ засталъ въ живыхъ и котораго называетъ владѣльцемъ и строителемъ дома. Если онъ разумѣлъ дѣйствительно перваго владѣльца и строителя Петра Егоровича Пашкова, умершаго 71 года отъ роду въ 1790 году, то это показываетъ, что описаніе составлено гораздо раньше 1799 года, когда оно вышло въ свѣтъ. Какъ бы то ни было, это самое раннее описаніе дома, какое мы имѣемъ. Въ 1833 году, за нѣсколько лѣтъ до перехода въ казну, домъ Пашкова представлялъ уже лишь жалкіе остатки прежняго величія и роскоши. Обозрѣватель Москвы въ *Новомъ путеводителѣ* 1833 г. пишетъ о домѣ слѣдующее: «Онъ стоитъ на возвышеніи. Отлогость горы къ улицѣ образуетъ прекрасный англійскаго вкуса садъ. Здѣсь видите выстланный камнемъ прудъ (ихъ было два), тутъ боскетъ, тамъ фонтанъ или гротъ, въ иномъ мѣстѣ дикая пещера. Нѣкогда, запомнятъ старожилы, плавали по сему пруду лебеди, ходили журавли, по дорожкамъ павлины разныхъ породъ, бѣгали кролики, и, словомъ сказать, домъ и садъ Пашкова приносилъ удовольствіе не только хозяину, но и всѣмъ жителямъ московскимъ, толпами стекавшимся посмотрѣть на садъ, на освѣщенный плошками домъ и на рѣдкихъ птицъ и звѣрей, въ саду находившихся». Но прошли красные дни, и все измѣнилось до неузнаваемости. «Не спѣшите нынѣ къ сему дому»,—продолжаетъ авторъ: — «вы увидите все въ самомъ жалкомъ состояніи; огромный 4-хъ-этажный домъ съ двумя по бокамъ флигелями и бельведеромъ, образецъ прекраснѣйшей архитектуры, нынѣ только-что не развалины; окошки забиты досками, садъ поросъ мохомъ и

---

[1]) См. стр. 25 его описанія.

[2]) Тамъ же, стр. 81.

густою травою, пруды пусты, и, вмѣсто прекрасныхъ птицъ, всѣ боскеты, гротъ и пещеры служатъ убѣжищемъ галокъ и воробьевъ»[1]). Какъ знать, можетъ быть и самому зданію грозило разореніе, если бы оно не перешло въ казну. Теперь же, благодаря счастливому обороту дѣлъ, это изящнѣйшее произведеніе зодчества, надѣемся, долго еще будетъ свидѣтельствовать о высоко-художественномъ талантѣ, умѣ и вкусѣ своего творца.

Кто же былъ его творцомъ и насколько его произведеніе является самостоятельнымъ, оригинальнымъ, или же только, можетъ быть, подражаніемъ, простою копіею?

Строителемъ Пашковскаго дома, по общепринятому мнѣнію, не подтвержденному пока документально, считается извѣстный архитекторъ временъ Екатерины II и Павла I, Василій Ивановичъ Баженовъ (по другимъ ошибочно—Бажановъ), родившійся въ Москвѣ въ 1737 г. (1 марта) и умершій здѣсь же въ 1799 (2 августа)[2]). Имя этого знаменитаго русскаго зодчаго, украсившаго своими произведеніями обѣ столицы съ окрестностями, какъ и имя его современника Казакова, могутъ съ полнымъ правомъ быть поставлены рядомъ съ именами графа Растрелли, Гваренги и др. «Каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя такіе памятники, которые займутъ почетное мѣсто на страницахъ лѣтописей изящныхъ искусствъ въ Россіи»[3]). Къ сожалѣнію, біографическихъ свѣдѣній объ этихъ русскихъ архитекторахъ мы имѣемъ очень мало и въ настоящее время самыя имена ихъ мало извѣстны русскому обществу. Что же касается Баженова, то даже портретъ его съ трудомъ можно найти: его поэтому нѣтъ и въ извѣстномъ собраніи Ровин-

---

[1]) Цитата заимствована у Мартынова: «Московская старина» и пр. въ «Русскомъ Архивѣ» 1879, кн. VI, 215,—6.

[2]) Нѣкоторые приписываютъ построеніе Пашковскаго дома извѣстному современнику Баженова—архитектору Казакову, и вообще имена ихъ обеихъ неоднократно смѣшиваются. Очевидно, что требуется документальная провѣрка этихъ легендъ, и исполнить это, казалось бы, всего легче нашей Академіи Художествъ для славы имени ея бывшаго вице-президента Баженова, точныя свѣдѣнія о которомъ, а можетъ-быть и его бумаги, вѣроятно, находятся въ распоряженіи Академіи.

[3]) *П. Ивановъ:* «О постройкѣ Сенатскаго зданія въ Москвѣ», — въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1864 г. кн. 4, стр. 145. Ср. еще *Д. Д. Иванова:* «Очеркъ исторіи зданія Судебныхъ Установленій въ Москвѣ». Москва. 1896 г., стр. 6 (изъ «Журнала Министерства Юстиціи», мартъ, 1896).

скаго [1]). Черты его наружности и нѣкоторыя подробности жизни мы, какъ это ни странно, узнаемъ изъ романа. Авторы произведенія «Семья вольнодумцевъ» [2]), описывая семью Коржавиныхъ изъ временъ начала царствованія Екатерины II, неизвѣстно на основаніи какихъ свѣдѣній, сообщаютъ нѣкоторыя подробности и о Василіи Ивановичѣ Баженовѣ, въ особенности о его жизни въ Парижѣ вмѣстѣ съ живописцемъ Ант. Павл. Лосенко, куда оба они, въ числѣ другихъ молодыхъ людей, были отправлены на казенный счетъ для усовершенствованія въ художествѣ. Сынъ кремлевскаго причетника, воспитанникъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, а потомъ Университетскаго Дворянскаго Пансіона въ Москвѣ, занимавшійся еще въ дѣтствѣ складываніемъ моделей разныхъ зданій изъ лучинокъ, В. И. Баженовъ достигъ при Павлѣ I званія Вице-президента Академіи Художествъ и состоялъ членомъ академій Болонской и Флорентійской. На юбилейной медали С.-Петербургской Академіи Художествъ между другими именами скромно стоитъ и имя Баженова. Описывающій эту медаль Ю. Б. Иверсенъ пользуется случаемъ, чтобы сообщить вкратцѣ важнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Баженовѣ, откуда можно почерпнуть по крайней мѣрѣ вѣрныя хронологическія данныя [3]). Мы отмѣтимъ здѣсь только одну подробность: воспитанникъ Университетскаго Пансіона строитъ впослѣдствіи зданія для того же Университета [4]), а въ другомъ его созданіи, нашемъ Музеѣ, суждено было помѣщаться самому Университетскому Пансіону. Такъ еще разъ отмѣчаемъ мы связь Музея съ Университетомъ въ самомъ имени строителя. Имя Баженова хорошо было извѣстно Ека-

---

[1]) Въ Румянцовскомъ Музеѣ есть фотографическая копія съ гравированнаго портрета Баженова.

[2]) *П. Петровъ* и *В. Клюшниковъ:* «Семья вольнодумцевъ». Историческая повѣсть времени Екатерины Великой. СПБ. 1872, изд. Маркса. См. главу VI и далѣе.

[3]) См. «Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. IX, стр. 17—18. Подробнѣе о Баженовѣ въ Словарѣ свѣтскихъ писателей *Евгенія* митр.; см. также словари: *Бантыша-Каменскаго* (изд. Ширяева), *Геннади.*—Ср. *Петровъ:* Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, т. I, примѣч. на стр. 328.—*Свиньинъ*: «Картины Россіи». I, 70—71. Московскій Телеграфъ, 1831, 17.—*Соловьевъ:* «Исторія Россіи», кн. VI, столб. 276 и 1044 (?).

[4]) См. *Сушкова*: «Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ», Москва, 1858, стр. 3.

теринѣ II, и когда она послѣ первой турецкой войны желала сдѣлать своего рода tour de force, чтобы доказать иностранцамъ, что силы и средства Россіи не ослабѣли и не истощены войною, она поручила Баженову составить проектъ грандіознаго Кремлевскаго дворца, долженствовавшаго занять весь Кремлевскій холмъ отъ Спасскихъ воротъ до Троицкихъ, со смѣтою въ 30 милліоновъ рублей [1]), и въ 1773 г. была совершена закладка этого грандіознаго зданія съ небывалою торжественностью и пышностью [2]), хотя вскорѣ, будто бы по неустойчивости почвы, стройка была прекращена. Громадная модель этого дворцоваго зданія хранилась до сихъ поръ въ Московской Оружейной Палатѣ, а, по состоявшемуся въ 1896 году Высочайшему повелѣнію, она передана Румянцовскому Музею. Мы не станемъ перечислять множества другихъ зданій, строенныхъ Баженовымъ, но не имѣющихъ отношенія къ музею (напр., Казанскій соборъ и Михайловскій замокъ въ Петербургѣ, дворцы: Павловскій, Гатчинскій и друг.) [3]).

Обратимся еще разъ къ Музею, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ о степени оригинальности этого зданія. Вопросъ этотъ возникаетъ вслѣдствіе распространившагося, съ легкой руки покойнаго А. С. Хомякова, мнѣнія, будто зданіе нынѣшняго Музея есть если не копія, то подражаніе одному генуэзскому дворцу, извѣстному palazzo Tursi Doria. Рисунки и снимки этого послѣдняго дворца находятся въ Румянцовскомъ Музеѣ, и мы имѣемъ возможность сравнить оба эти зданія. Сравненіе несомнѣнно покажетъ всякому, что между этими двумя зданіями есть развѣ самый слабый намекъ на нѣкоторое отдаленное сходство, но самый планъ и детали совершенно различны. Притомъ сравненіе, по нашему мнѣнію, говоритъ въ пользу нашего зданія съ точки зрѣнія изя-

---

[1]) См. статью *Лебедева* въ «Русскомъ Инвалидѣ». 1860, № 179. Ср. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1864, 4, стр. 156, смѣсь.

[2]) См. подробное описаніе торжества въ «Путеводителѣ къ древностямъ и достопримѣчательностямъ Москвы», 1792. I, 279—285. «Историческій Путеводитель, Москва», 1827, ч. 2-я, стр. 273. *Карамзинъ*, Сочиненія, СПБ. 1835, ч. 9, стр. 251—252.

[3]) См. *Сушковъ:* «Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ», стр. 7. Ср. *Н. К. Шильдеръ:* «Императоръ Александръ I» и т. д. С.-Пбургъ. 1897 г., т. I, стр. 212.

щества и легкости стиля. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ надо согласиться, что это созданіе нашего русскаго художника вполнѣ справедливо причисляется къ «изящнѣйшимъ произведеніямъ зодчества» [1]).

Въ заключеніе мы выскажемъ лишь глубокое сожалѣніе о томъ, что такіе достойные, талантливые, потрудившіеся на славу родины дѣятели, какъ В. И. Баженовъ, такъ несправедливо забываются потомствомъ. Празднуя еще такъ недавно память Екатерины II, мы, кажется, ни однимъ словомъ не обмолвились объ этомъ ея сподвижникѣ, завоевавшемъ себѣ славу не мечомъ или придворными интригами, а своимъ выдающимся талантомъ и неутомимымъ трудомъ на пользу родного искусства. Но еще не поздно исправить этотъ грѣхъ. У насъ есть архитектурныя и художественныя общества, есть, наконецъ, Академія Художествъ, съ которою жизнь и дѣятельность Баженова была такъ тѣсно связана. Всѣ эти учрежденія могутъ достойнымъ образомъ почтить память Баженова и воскресить его имя въ памяти потомства; тѣмъ болѣе теперь это было бы кстати, что въ 1899 году (2 августа) исполнится ровно сто лѣтъ со времени его смерти, а 1 марта текущаго года минула 160-лѣтняя годовщина его рожденія. Обсудить вопросъ, какъ именно слѣдуетъ ознаменовать этотъ юбилей русскаго искусства и художества,—это дѣло спеціалистовъ и тѣхъ учрежденій, которыя болѣе непосредственно должны быть въ этомъ заинтересованы. Мы же, празднуя торжественную годовщину рожденія основателя Румянцовскаго Музея, считали своимъ долгомъ напомнить о В. И. Баженовѣ, имя котораго навсегда останется неразрывно связаннымъ съ Музеемъ.

Н. Янчукъ.

---

[1]) *Мартыновъ:* «Московская старина»—въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. VI, стр. 216.

IV.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦІИ П. П. ШИМКЕВИЧА.

Въ 1896 году Дашковскій Этнографическій Музей обогатился замѣчательной коллекціей предметовъ изъ быта Гольдовъ, Тунгузовъ, Орочонъ, Якутовъ и Корейцевъ, составленною Петромъ Поликарповичемъ Шимкевичемъ въ теченіе пятилѣтняго его пребыванія въ Приморской области. Особеннаго вниманія по полнотѣ и научному интересу заслуживаетъ коллекція гольдскихъ бытовыхъ предметовъ, число которыхъ переходитъ за 600. Этотъ небольшой народъ тунгузскаго племени живетъ по р. Амуру, преимущественно по правой его сторонѣ, начиная отъ впаденія въ него р. Сунгари и до устья р. Горина, а также по южнымъ притокамъ Амура, по р. Сунгари въ нижнемъ ея теченіи, и по р. Уссури до самыхъ ея верховьевъ, а также и вокругъ озера Ханка. Названіе Гольдовъ Русскимъ стало извѣстно только послѣ занятія края въ 1850-хъ годахъ, и бытъ ихъ сталъ предметомъ научнаго описанія въ трудахъ Шренка, Маака и Надарова [1]). Но ни у одного изъ названныхъ изслѣдователей мы не находимъ такого подробнаго описанія наиболѣе интересной стороны жизни этихъ инородцевъ, именно ихъ религіозныхъ вѣрованій и шаманскаго культа, какъ у составителя коллекціи. Зимою 1895—96 гг. П. П. Шимкевичъ совершилъ изъ г. Хабаровска въ область, населенную Гольдами, нѣсколько экскурсій, результатомъ которыхъ явилась и составленная имъ полная коллекція шаманскихъ предметовъ, и обширное изслѣдованіе, изданное имъ

---

[1]) *Шренкъ:* Объ инородцахъ Амурскаго края 1883 г. *Его же*: Die Völker des Amur Landes. Ethnograph. Theil 1891; *Маакъ:* Путешествіе на Амуръ; *Его же:* Путешествіе на р. Уссури; *Надаровъ:* Сѣверно-Уссурійскій край 1887 г.

въ 1896 г. въ Хабаровскѣ подъ заглавіемъ: Матеріалы для изученія шаманства у Гольдовъ [1]). Въ этомъ цѣнномъ трудѣ авторъ излагаетъ вѣрованія Гольдовъ, перечисляетъ многочисленныхъ гольдскихъ бурхановъ (духовъ), указывая значеніе каждаго, сообщаетъ нѣсколько сказаній и легендъ, характеризующихъ міровоззрѣніе Гольдовъ, и свои личныя наблюденія надъ процессомъ *камланія* шамановъ. Къ книгѣ приложены 23 таблицы рисунковъ, которымъ оригиналами послужили многіе предметы, вошедшіе въ коллекцію, пожертвованную П. П. Шимкевичемъ Императорскому Обществу Любителей Естествознанія и переданную послѣднимъ Дашковскому Этнографическому Музею.

Имѣя въ виду дать нѣкоторое понятіе о составѣ шаманской коллекціи г. Шимкевича и ея научномъ интересѣ, раздѣлю ее на 2 отдѣла: 1) *Одежда и аттрибуты шамана,* 2) *Бурханы Гольдовъ.*

Г. Шимкевичу удалось впервые собрать полный костюмъ шамана со всѣми аттрибутами его званія и предметами, играющими ту или другую роль при камланіи. Это дало намъ возможность, для большей наглядности, одѣть въ шаманскій костюмъ манекенъ, изображеніе котораго см. на таблицѣ VI, № 1.

Шаманъ (по-гольдски *сяма*) имѣетъ до сихъ поръ огромное значеніе въ быту Гольдовъ. Шаманъ, по ихъ убѣжденію, одаренъ способностью влiять на бурхановъ, призывать ихъ на помощь, *заставлять* ихъ исполнять свои желанія. Онъ угадываетъ, какой духъ (бурханъ) наслалъ на человѣка болѣзнь, и, совершая извѣстныя таинственныя дѣйствія, удаляетъ болѣзнь изъ тѣла паціента. Онъ же знаетъ весь путь, ведущій въ загробный міръ, и можетъ благополучно доставить туда душу умершаго Гольда. Онъ же знаетъ средства достигнуть удачнаго улова рыбы и счастливой охоты на пушного звѣря. Словомъ, отъ колыбели до могилы и даже за нею онъ является единственнымъ посредникомъ между человѣкомъ и таинственнымъ міромъ, который его окружаетъ. Отсюда вытекаетъ само собою, какимъ значеніемъ и почетомъ опытный

---

[1]) Этотъ трудъ составляетъ Выпускъ I тома 2-го Записокъ Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географ. Общества.

въ своемъ дѣлѣ шаманъ пользуется у Гольдовъ. Каждая часть костюма и каждый аттрибутъ шамана имѣютъ свое опредѣленное назначеніе. Разсмотримъ ихъ отдѣльно.

Сверхъ обыкновенной одежды и верхняго кафтана, украшеннаго богатыми вышивками, шаманъ надѣваетъ особый *жилетъ* и короткую юбку изъ китайской матеріи съ нарисованными на ней звѣрями и гадами, именно: амбансо (тигръ), муддуръ (драконъ) и колли (змѣи). Поясница перетянута *поясомъ* изъ широкаго ремня, къ которому прикрѣплено нѣсколько конусообразныхъ желѣзныхъ трубокъ, а иногда и нѣсколько зеркалъ (толи). Эти трубки (называемыя конгокто), ударяясь одна о другую во время пляски шамана, производятъ невѣроятный шумъ, составляющій какъ бы акомпаниментъ пѣсни и тактъ пляски. Голову шаманъ покрываетъ, если камланіе совершается не въ жилищѣ (фанзѣ), а наружи, особой шапкой (хоя) изъ звѣриныхъ шкуръ, нарѣзанныхъ длинными полосами. Одни концы всѣхъ этихъ полосъ связываются вмѣстѣ и нашиваются на обыкновенную манчжурскую войлочную шляпу, къ которой сверху прикрѣпляется пара небольшихъ металлическихъ роговъ (тило) и нѣсколько десятковъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. Шапка дѣлается только изъ шкуръ волка, медвѣдя, енота и лисицы. На груди у шамана повѣшенъ на ремешкахъ хорошо отполированный мѣдный кругъ, называемый *толи*. По убѣжденію Гольдовъ, толи охраняетъ тѣло шамана отъ стрѣлъ, пускаемыхъ въ него врагами шаманства, почему шаманъ каждый разъ, когда, при камланіи, приходитъ въ экстазъ и, вступивъ въ борьбу съ своими врагами, выходитъ изъ поединка побѣдителемъ, дѣлаетъ въ *толи* столько проколовъ, сколько стрѣлъ ударилось о шамана. Чѣмъ болѣе въ *толи* пробитыхъ отверстій, тѣмъ выше въ глазахъ сородичей считается шаманъ. По словамъ шамановъ, въ *толи*, какъ въ зеркалѣ, отражаются дѣянія людей, которыя такимъ образомъ шаманъ можетъ видѣть. Не меньшее значеніе имѣетъ бубенъ, которымъ шаманъ акомпанируетъ при камланіи свое пѣніе и пляску. Бубенъ состоитъ изъ эллипсоидальнаго обруча, на который натянута кожа. Колотушка покрыта обыкновенно на одной сторонѣ мѣхомъ козули, а на другой особыми рисунками; ручка изображаетъ двулицаго бурхана (аями-тереми), по бокамъ котораго помѣ-

щены бурханы *аджеха*. Бурханъ *аями* способствуетъ издаванію рѣзкихъ звуковъ по бубну, не ломая его. Шаманъ при камланіи отъ времени до времени дуетъ на аями, прося ему помочь. На грудь, кромѣ *толи*, шаманъ вѣшаетъ пару металлическихъ бурхановъ *тигровъ* (амбансо), эмблему силы, и нѣсколько штукъ человѣкообразныхъ бурхановъ *аджеха*, покровителей шамана. Въ рукахъ у шамана особый посохъ (бооло) съ фигурой бурхана Аями-нирка-мафа, о двухъ лицахъ, означающихъ всевѣдѣніе; этотъ посохъ употребляется во время большихъ поминокъ. У нѣкоторыхъ шамановъ на поясницѣ висятъ небольшіе матерчатые мѣшечки, набитые въ родѣ подушекъ. Если у женщины были подъ рядъ нѣсколько разъ выкидыши, то, во время новой беременности, шаманъ дѣлаетъ такой мѣшечекъ (фатача), въ который вкладываетъ душу (ерга) ребенка и вѣшаетъ фатачу себѣ на поясъ, продолжая носить ее и впослѣдствіи при благополучныхъ родахъ. Чѣмъ больше у шамана фатачей, тѣмъ большимъ уваженіемъ онъ пользуется.

Сверхъ названныхъ предметовъ орудіями шаману при сопровожденіи души покойника въ загробный міръ служатъ *коори* и *бучу*. «Когда шаманъ слѣдитъ за переходомъ души, говоритъ г. Шимкевичъ [1], въ загробный міръ (буни) и, сопровождая ее, помогаетъ преодолѣть препятствія, ему необходима легендарная птица *коори* и бурханъ, покровитель шамана, *бучу*. Птица *коори* (таб. VII, 3) по виду напоминаетъ журавля, дѣлается изъ дерева, которое, кромѣ головы, обтягивается лѣтнею козульей рыжей шкурою. *Бучу* (таб. VIII, 3) представляетъ изъ себя изображеніе человѣка на одной кривой ногѣ съ крыльями; дѣлается бучу изъ дерева; туловище и крылья обтягиваются также козульей шкурой. *Коори* и *бучу* вѣшаются шаманомъ въ спеціально для этой цѣли устраиваемомъ навѣсѣ: *коори* горизонтально, *бучу* вертикально. Шаманъ, сопровождая душу умершаго въ *буни*, самъ терпитъ страшныя мученія и измученный возвращается обратно на птицѣ *коори*, сопровождаемый бурханомъ *бучу*, который совершаетъ свой полетъ, сохраняя вертикальное положеніе. *Коори* настолько необходимо шаману, что однажды на вопросъ мой, можетъ ли онъ совершать поминки безъ

[1]) Названное сочиненіе, стр. 15.

коори, объяснилъ, что въ *буни* онъ еще можетъ довести душу человѣка, а обратно безъ *коори* ему не вернуться». Замѣтимъ, что, по вѣрованію Гольдовъ, жизнь въ *буни* будетъ какъ бы продолженіемъ земной, но только лучше ея. Однако путь туда труденъ: душа встрѣчаетъ на немъ 18 препятствій въ видѣ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, опасныхъ для перехода рѣкъ и проч., такъ что по дорогѣ душа можетъ остановиться на пути и даже погибнуть отъ изнеможенія. Приглашенный на малыя поминки шаманъ долженъ по примѣтамъ угадать мѣсто, гдѣ скрывается покинувшая тѣло душа, узнать ее по примѣтамъ и помѣстить въ небольшую подушку *фаню*, гдѣ она покоится, дожидаясь большихъ поминокъ, которыя имѣютъ цѣлью окончательное водвореніе души въ загробномъ мірѣ. Чтобъ убѣдить родственниковъ покойнаго въ томъ, что онъ нашелъ дѣйствительно его душу, шаманъ долженъ угадать разныя мелкія обстоятельства, сопровождавшія погребеніе, и предметы, положенные съ покойникомъ въ гробъ. Но окончательную увѣренность въ удачномъ совершеніи камланія родственники покойнаго пріобрѣтаютъ лишь тогда, когда шаманъ заставитъ передвигаться камни *таугда* (см. таб. VIII, 11). Камни эти, куски кругло отточеннаго водой кремнезема, находимаго въ горныхъ рѣчкахъ, выбираются обыкновенно съ причудливыми формами, напоминающими человѣка или звѣря. Передъ камланіемъ шаманъ обмакиваетъ ихъ въ горячую кровь, добытую изъ сердца изюбра. Затѣмъ помощникъ шамана, тайно отъ него, беретъ кусокъ рыбьей кожи, проводитъ по ней углемъ 9 параллельныхъ полосъ, кладетъ ее на *фаню* подъ халатъ и располагаетъ 9 камней удлиненными концами къ чертѣ, послѣ чего осторожно закрываетъ ихъ халатомъ, а сверху одѣяломъ. Шаманъ долго поетъ и объявляетъ потомъ, что камни передвигаются сами собою. Помощникъ шамана и присутствующіе поднимаютъ халатъ и убѣждаются, что камни дѣйствительно перемѣстились. Пѣніе продолжается иногда нѣсколько часовъ, пока не перемѣстятся всѣ 9 *таугда*.

Гольды, какъ анимисты, населяютъ міръ множествомъ духовъ, приносящихъ счастіе или несчастіе человѣку. Олицетвореніемъ этихъ духовъ являются разные божки (бурханы), представляющіе очень сложную систему. Опытный шаманъ можетъ сноситься съ этими духами и подчинять ихъ себѣ на

пользу людей. Какое бы дѣло ни начиналъ Гольдъ, онъ обращается за совѣтомъ къ шаману. Тотъ, разспросивъ въ чемъ дѣло, приказываетъ изготовить того или другого бурхана и обращаться съ нимъ согласно преподанныхъ указаній, а въ случаѣ, если сдѣланный бурханъ не принесетъ должной пользы, онъ уничтожается и замѣняется другимъ въ извѣстной постепенности. Этимъ изготовленіемъ бурхановъ для извѣстнаго случая объясняется грубость и шаблонность ихъ формы. Хотя Гольды умѣютъ хорошо вырѣзывать фигуры изъ дерева и художественно вырѣзать, напримѣръ, формы животныхъ изъ бумаги, однако бурханы ихъ чрезвычайно примитивны: видно, что въ данномъ случаѣ сохраняются разъ установленныя традиціею формы, относящіяся къ глубокой старинѣ.

Матеріаломъ для бурхановъ служатъ: дерево, металлы, рыбьи шкуры, бумага, матеріи, трава и болотныя кочки. Они или рисуются на деревяшкахъ, матеріяхъ и бумагѣ, или вырѣзаются изъ дерева, отливаются изъ олова, серебра, или куются изъ желѣза. Бурханы представляютъ грубыя подобія людей, звѣрей, птицъ и гадовъ; иногда, кромѣ того, дѣлаются амулеты въ видѣ сустава, кисти руки, ступни ноги, сердца и проч. Не имѣя въ виду перечислять и описывать всѣхъ многочисленныхъ бурхановъ, входящихъ въ коллекцію г. Шимкевича, обратимъ вниманіе только на основныя группы, которыхъ считаютъ *семь*, при чемъ главный бурханъ ***аями*** участвуетъ въ каждой изъ нихъ.

Первыя три группы соотвѣтствуютъ звѣрямъ-покровителямъ: пантерѣ, тигру и медвѣдю; затѣмъ идутъ прочія четыре группы, о назначеніи которыхъ скажемъ ниже. Бурханъ ***аями*** (см. таб. VIII, 13), входящій какъ первое лицо во всѣ группы, считается проводникомъ шамана въ жилища другихъ бурхановъ. Онъ уноситъ душу человѣка къ другимъ бурханамъ, которые подвергаютъ ее мученію, чѣмъ объясняется болѣзнь человѣка. Только шаманъ можетъ, ублаживъ или побудивъ бурхана, вернуть душу обратно и тѣмъ излѣчить недугъ. ***Аями*** представляетъ форму человѣка безъ рукъ, съ эллипсоидальной головой и подогнутыми колѣнями. Нѣкоторыя подробности его изображенія видоизмѣняются, смотря по той группѣ, въ которую онъ входитъ; вообще считаютъ 6 разновидностей ***аями***, напримѣръ, аями-***пантера*** (***ярга-аями***) та же фигура, но

покрытая кругами черными или красными, напоминающими шкуру звѣря (таб. VIII, 14), аями-*тигръ* (*амбансо-аями*) — съ лицомъ, иногда покрытымъ изображеніями змѣй, напоминающими полосы на шкурѣ тигра, аями-*медвѣдь* съ зачерненнымъ въ шахматномъ порядкѣ лицомъ, изображеніями змѣй на тѣлѣ и ногами, обернутыми въ матерію, и проч.

Бурханъ ***ярга*** (пантера) дѣлается изъ дерева (см. таб. IX, 2) въ видѣ звѣря на короткихъ ногахъ, съ длиннымъ хвостомъ и съ красными или черными кружками на тѣлѣ. Шаманъ приказываетъ дѣлать этого бурхана въ сучаѣ сильнаго жара при простудѣ или боли въ поясницѣ и суставахъ, а также при брюшномъ тифѣ. Изъ нѣсколькихъ разновидностей бурхана ***ярга*** отмѣтимъ, напримѣръ, ***коллкеру-ярга*** (таб. VII, 7), обрубокъ дерева, изображающій сидячую на заднихъ лапахъ пантеру съ выдвинутыми впередъ лапами, у которыхъ поперечные суставы сдѣланы подвижными; ***коллкеру*** дѣлается при болѣзняхъ суставовъ рукъ и ногъ, происходящихъ отъ сильной простуды; ***хафу-ярга*** (таб. IX, 5)—пантера съ утолщеніемъ на хвостѣ, крыльями и фигурой сидящаго на ней другого бурхана ***аджеха***, благого помощника Гольдовъ, носимаго ими при себѣ въ видѣ амулета. ***Хафу-ярга*** дѣлается при какой-то неизлѣчимой болѣзни живота, и Гольды говорятъ, что, поселясь на животѣ и постоянно въ немъ шевелясь своимъ утолщеніемъ на хвостѣ, ***хафу-ярга*** причиняетъ невыносимую боль.

Бурханъ-тигръ (*амбансо*) отличается отъ пантеры только продольными полосами, напоминающими шкуру тигра (см. таб. IX, 6), дѣлается при болѣзняхъ живота и для хорошаго промысла. Онъ также имѣетъ нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ отмѣтимъ, напримѣръ, ***амбансо-наала*** (см. таб. VIII, 15) фигуру тигровой лапы, соединенной съ бурханомъ ***наала-сео***; этотъ бурханъ дѣлается шаманомъ при ревматизмѣ въ рукѣ. Бурханъ-*медвѣдь* (*доонта*) (таб. IX, 3)—грубое изображеніе этого звѣря, имѣющее назначеніемъ излѣченіе общаго недомоганія, болѣзней рукъ, послѣродовыхъ болей, а также достиженіе удачнаго улова рыбы калуги. ***Доонта*** имѣетъ также нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ отмѣтимъ только травяного доонта (***доонта - херликтани***), состоящаго, какъ травяныя разновидности пантеры и тигра, изъ фигуры медвѣдя, свя-

занной съ 5 человѣческими фигурками *(сэkkа)* и четырьмя птичьими *(гааза)* (см. таб. VII, 1). Разновидности травяныя *(хермиктани)* считаются первыми бурханами, которые способствуютъ излѣченію недуга, связаннаго съ простудными осложненіями. Бурханъ этотъ выносится на дворъ и ставится мордой на землю, непремѣнно по теченію рѣки, а рядомъ съ нимъ втыкаютъ вѣтку деревца, на которую вѣшаютъ уборъ изъ стружекъ, бывшій у шамана въ употребленіи во время камланія. Группы *хермиктани,* съ девятью фигурами, изображаютъ что взятый, при посредствѣ стружекъ, недугъ больного уносится людьми *(сэkkа)* на бурханѣ и птицахъ къ морю. За перечисленными группами слѣдуетъ божница *дусху,* употребляющаяся при такихъ осложненіяхъ болѣзни, когда одинъ бурханъ не въ состояніи помочь больному; она совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько различныхъ бурхановъ, которые, всѣ сообща, освобождаютъ душу человѣка отъ недуга. По словамъ г. Шимкевича, эта божница манчжурскаго происхожденія и составляетъ сочетаніе предметовъ шаманскаго культа у Манчжуръ и Гольдовъ. Части этой божницы: рисунокъ *нюрха*, металлическое *мойга-ни* и само *дусху* съ нѣкоторыми принадлежностями. Рисунокъ *нюрха* (таб. VI, 2) представляетъ сидящаго въ креслахъ великаго бурхана *даанто* (душа большого манчжурскаго чиновника, явившаяся на помощь болящему); тутъ же его рабы, помощники, флаги, столъ, бурханъ аями, тигры, драконы и проч. *Мойга-ни*, входящее какъ часть въ божницу *дусху*, но употребляемое и отдѣльно, предназначается для излѣченія легочной и горловой чахотки. *Мойга-ни* рисуется на матеріяхъ, рыбьихъ шкурахъ, дѣлается изъ проволоки или куется изъ желѣза. Изображеніе *мойга-ни* (таб. VIII, 1) состоитъ изъ девяти змѣй, расположенныхъ или параллельно одна другой, въ горизонтальной площади, или изъ трехъ горизонтальныхъ и девяти къ нимъ вертикальныхъ; вся группа змѣй, подъ общимъ названіемъ *коля*, олицетворяетъ невыносимую боль въ отдѣльныхъ органахъ тѣла. Впереди нюрха, на столикѣ, ставится собственное *дусху* (таб. VII, 4), состоящее изъ трехъ шестовъ, на которыхъ и предъ которыми помѣщаются извѣстные бурханы [1]); на вращающихся четыреуголь-

[1]) Такъ, напримѣръ, передъ лѣвымъ шестомъ ставится бурханъ *ареджа* (табл. VII, 2) съ приподнятой лѣвой рукой; передъ шестомъ—бурханъ *дусху-аями* (табл. VII, 5), одѣтый въ тряпки и имѣющій синіе стеклянные глаза.

ныхъ дощечкахъ, прикрѣпленныхъ къ шестамъ, придѣланы флаги изъ китайской бумаги. Затѣмъ передъ *дусху* ставятъ на столъ чашечки съ кашей и одну съ китайскими курительными свѣчками, шапку изъ холста съ крестообразнымъ верхомъ и разными символическими изображеніями (таб. VII, 6), надѣваемую паціенту на голову въ случаѣ умопомѣшательства *(нюрха-унгипту)*, безрукавую длинную кофту, всю покрытую изображеніями тигровъ, гадовъ и змѣй *(наарма)*, чулки *(докто)* разрисованные змѣями (таб. VIII, 4), кушакъ изъ двухъ змѣй *(муйки)* и проч. Облеченный въ этотъ костюмъ паціентъ долженъ совершать обрядовую пляску, въ которой участвуютъ родственники его и сосѣди.

Другая божница *гирки*, имѣющая нѣсколько разновидностей, изготовляется для удачнаго промысла. *Гирки* обыкновенно имѣетъ видъ дощечки, съ вырѣзанными на ней девятью головами бурхана *наи* (работника) (см. таб. VIII, 12), подъ которыми, на веревочкѣ, вѣшаются продолговатыя, книзу заостренныя дощечки, съ головой формы *аями*, раскрашенныя въ бѣлый и черный цвѣта и называемыя *гирки-аями*. Если звѣрь убѣгаетъ передъ охотникомъ или оставляетъ свой обычный набѣганный слѣдъ и обходитъ выставленныя на него ловушки, то Гольдъ, отправляясь на промыселъ, захватываетъ съ собою въ особомъ ящикѣ сдѣланнаго шаманомъ *гирки*, вывѣшивая этого бурхана на привалѣ. Бурханамъ *гирки* приносятъ въ жертву кровь, сердце и голову убитаго звѣря.

Самой страшной считается у Гольдовъ группа бурхановъ *сэгэми*, изображающая безуміе человѣка, падучую болѣзнь и, вообще, все, что сопровождается психическимъ разстройствомъ и судорогами. Всякій бурханъ, на головѣ котораго изображены 5 бурхановъ *аджеха* и 4 *буччу*, носитъ названіе *сэгэми*, прибавленное къ его имени (см. таб. IX, 7 и VII, 8).

Оставляя въ сторонѣ описаніе разновидностей перечисленныхъ группъ, упомянемъ нѣсколько отдѣльныхъ негрупповыхъ бурхановъ, имѣющихъ то или другое назначеніе.

Такъ, для дѣтскихъ болѣзней существуютъ спеціальные бурханы парные: *Паккари* и *Терима-паккари* (таб. VIII, 6 и 7). *Паккари* имѣетъ круглое туловище, короткія ноги, овальное книзу заостренное лицо; *Терима-паккари* таковъ же видомъ, но не имѣетъ ногъ. Если грудной ребенокъ не спитъ по ночамъ, этихъ бурха-

VI.

1.

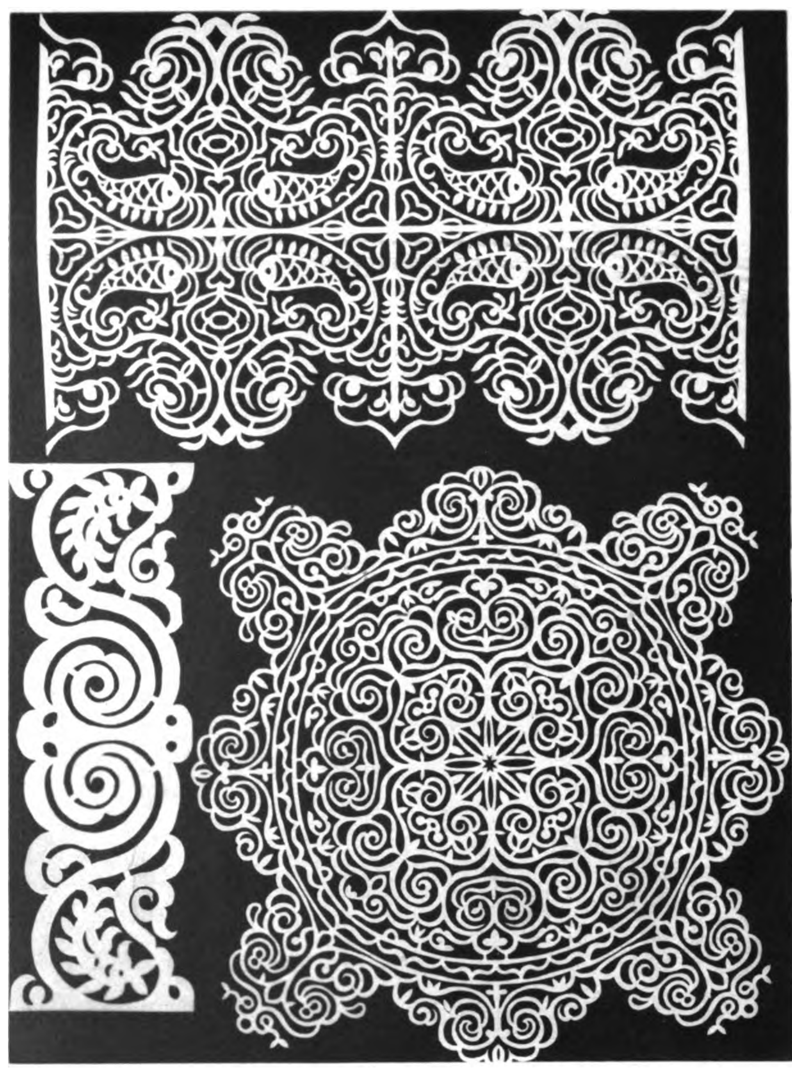
2.

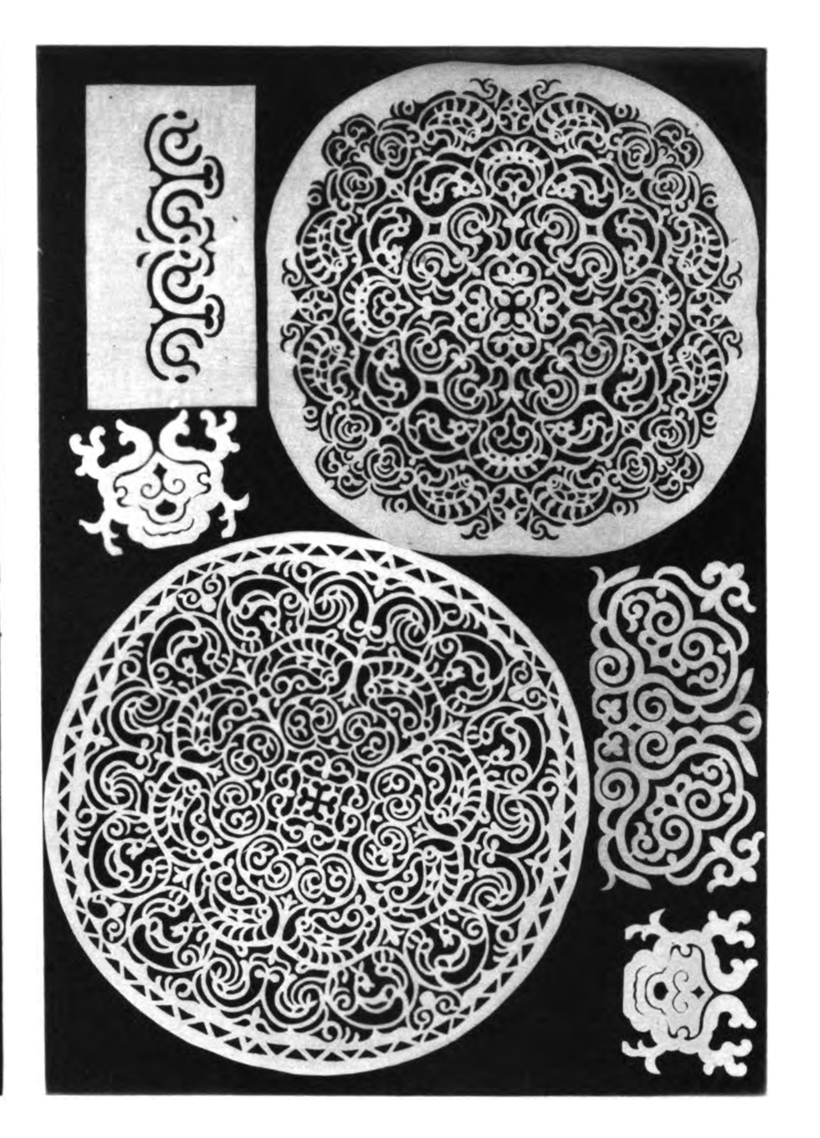

1
2
3
4
5
6
7
8

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

X.

новъ, по приказанію шамана, ставятъ по бокамъ колыбели и кормятъ кашей. Если больной вслѣдствіе простуды или ломоты не въ состояніи выпрямить спину, изготовляется бурханъ *Дарма-енси-седанъ* (таб. VIII, 5), человѣческая фигурка со сгорбленной спиной. Во время камланія этотъ бурханъ подвѣшивается къ поясу больного, а затѣмъ прячется въ амбаръ. При боляхъ въ поясницѣ дѣлается также бурханъ *kaазу*, кабанья голова, которая подвѣшивается къ поясу паціента (таб. VIII, 8). При гастрическихъ заболѣваніяхъ изготовляется *муханъ*, сказочный звѣрь на короткихъ ногахъ, съ утолщеніемъ на длинномъ хвостѣ (таб. IX, 4). Для лѣченія глазъ служитъ бурханъ *сіуджики*, иногда комбинируемый съ бурханомъ *аджеха*; *сіуджики* представляетъ треугольникъ съ двумя укрѣпленными въ его основаніе бурханами этого имени (таб. VIII, 10). Противъ сердечныхъ болей служитъ бурханъ *міольдоко* (таб. VIII, 9), напоминающій по контуру сердце. При сильной головной боли носится, въ видѣ амулета, *піу-аджели* (таб. VIII, 2), представляющій подобіе человѣческой головы изъ сухого дерева или изъ гнилушки. При сильной худобѣ человѣка изготовляется бурханъ *утаki*, деревянное подобіе человѣка со вздутымъ животомъ, впалой грудью и сухой шеей (таб. IX, 10). Если онъ не помогаетъ, то замѣняется бурханомъ *анголако*, сходнымъ съ нимъ, но съ изображеніемъ реберъ на груди и внутри съ воронкообразнымъ отверстіемъ, выходящимъ чрезъ горло. Бурхана кормятъ кашей, вкладывая ее въ горловое отверстіе (таб. IX, 1). Для излѣченія отъ водянки служитъ похожій на *утаки* бурханъ *меджи* съ утолщеннымъ животомъ, плоской грудью и нарисованными на груди ребрами (таб. IX, 9). Для излѣченія корчей и судорогъ приносятся въ жертву глаза и хребетъ рыбы *кэты* бурхану *гордо*, который считается самымъ страшнымъ изъ всѣхъ бурхановъ и, по вѣрованіямъ Гольдовъ, живетъ въ горахъ. *Гордо* мужской (таб. IX, 8) представляетъ изъ себя чурбанъ съ заостренной книзу головой, снабженной двумя выступами; *гордо* женскій имѣетъ на головѣ 4 *буччу* и 5 *аджеха*, почему и называется *сэгэми-гордо* (таб. IX, 7).

Отсылая за изображеніями другихъ гольдскихъ бурхановъ къ книгѣ г. Шимкевича, замѣтимъ вообще, что шаманская коллекція, составляющая достояніе Дашковскаго Этнографическаго Музея, представляетъ обильнѣйшій матеріалъ для на-

глянднаго знакомства съ гольдскимъ шаманствомъ. Г. Шимкевичу, первому изъ русскихъ изслѣдователей, удалось войти въ довѣріе нѣкоторыхъ туземцевъ изъ Гольдовъ, хорошо знающихъ всѣ детали шаманскаго культа, основательно ознакомиться со сложной системой бурхановъ, видѣть и описать обряды, сопровождающіе камланіе, и, наконецъ, собрать полный инвентарь предметовъ, относящихся къ этому примитивному культу. Гольды оффиціально причисляются къ христіанамъ, и нѣкоторые изъ нихъ учатся въ школахъ, знакомясь съ русскимъ языкомъ и культурою. Поэтому можно думать, что уже ближайшее поколѣніе забудетъ древнія вѣрованія и пріемы камланія. Но для науки, благодаря коллекціи и описаніямъ г. Шимкевича, они сохранены, и будущимъ изслѣдователямъ шаманства необходимо будетъ пользоваться его богатыми коллекціями, переданными Дашковскому Музею. Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ выдѣлить въ гольдскомъ шаманствѣ историческія наслоенія и первоначальную основу. Въ настоящее время можно только сказать, что на вѣрованіяхъ Гольдовъ замѣтно сильное вліяніе буддизма, зашедшаго къ нимъ отъ ихъ южныхъ сосѣдей Манчжуровъ, сильно проникнутыхъ, въ свою очередь, культурнымъ вліяніемъ Китая.

Изъ числа другихъ предметовъ гольдской коллекціи Шимкевича заслуживаетъ особеннаго вниманія собраніе орнаментовъ, вырѣзанныхъ изъ бумаги, и вышивокъ на одеждахъ. Орнаментъ у Гольдовъ чрезвычайно богатъ и разнообразенъ. Гольдскія дѣвушки, по устнымъ сообщеніямъ г. Шимкевича, отличаются замѣчательной способностью вырѣзать изъ бумаги самые сложные и красивые узоры, которые потомъ воспроизводятся на рыбьей кожѣ красками или вышиваются на различныхъ матеріяхъ. Г. Шимкевичъ давалъ гольдской дѣвочкѣ или дѣвушкѣ сложенный вчетверо или вдвое листъ бумаги, и она тутъ же вырѣзала ножницами удивительно правильный, изящный и сложный орнаментъ по памяти, безъ всякихъ приспособленій. Среди сложныхъ плетеній и извитій встрѣчаются въ орнаментахъ и животныя изображенія—рыбы, пѣтухи и проч., конечно, въ условныхъ, какъ бы геральдическихъ формахъ. Понятіе о сложности гольдскаго узора можно получить по фототипіи (таб. X), воспроизводящей двѣ изъ страницъ обширнаго альбома, составленнаго изъ гольдскихъ вырѣ-

зокъ. Съ цѣлью устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что эти вырѣзки сдѣланы прямо отъ руки, безъ другихъ орудій, кромѣ ножницъ, г. Шимкевичъ привелъ дѣвушекъ въ засѣданіе Пріамурскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества въ Хабаровскѣ, и онѣ дѣлали свои вырѣзки въ присутствіи членовъ отдѣла, о чемъ былъ тутъ же составленъ протоколъ. Кромѣ вырѣзокъ изъ бумаги, сдѣланныхъ на глазахъ г. Шимкевича, онъ составилъ еще обширную коллекцію, представляющую, что особенно цѣнно, всѣ стадіи разработки орнамента. Здѣсь мы находимъ образцы выдавленнаго ногтемъ на берестѣ рисунка съ подшитой подъ бересту матеріей, вырѣзанные контуры орнаментовъ, наклеенные на разный матеріалъ, раскрашенные узоры изъ рыбьей кожи, нашитые на другой кусокъ рыбьей кожи, который въ свою очередь нашивается на одежду изъ того же матеріала, расшитые шелкомъ куски шелковой и бархатной матеріи, вышивки изъ оленьихъ волосъ на оленьей шкурѣ и много одеждъ и отдѣльныхъ частей костюма, украшенныхъ разнообразными узорами. Эта коллекція (болѣе 175 отдѣльныхъ предметовъ), дающая яркое понятіе о художественномъ вкусѣ Гольдовъ и ихъ способностяхъ къ орнаментовкѣ, представляетъ также цѣнный матеріалъ для будущихъ изслѣдователей исторіи орнамента народовъ восточной Азіи. Этимъ изслѣдователямъ предстоитъ вопросъ о связи гольдскаго орнамента съ орнаментомъ окружающихъ ихъ другихъ племенъ и, быть-можетъ, съ орнаментикой Китая.

Помимо гольдской коллекціи, иллюстрирующей всѣ стороны быта этого племени, г. Шимкевичъ доставилъ музею небольшія собранія, главнымъ образомъ, одеждъ Якутовъ, Тунгузовъ и Корейцевъ. Что касается послѣдняго народа, то г. Шимкевичъ обратилъ вниманіе на такую сторону быта, которая, къ сожалѣнію, очень рѣдко изучается этнографами, именно на фармакопею. Г. Шимкевичъ собралъ 110 сложныхъ корейскихъ лѣкарствъ, составленныхъ изъ разныхъ травъ и кореньевъ, растущихъ въ заповѣдной рощѣ горы Самсинсана близъ города Ха-мынъ (въ 300 верстахъ отъ Сеула). Въ доставленныхъ имъ поясненіяхъ къ этой любопытной коллекціи находимъ корейскія названія рецептовъ, перечень ингредіентовъ и указаніе болѣзней, отъ которыхъ употребляется то или другое лѣкарство.

Въ заключеніе замѣтимъ, что научное значеніе этнографической коллекціи и трудовъ г. Шимкевича было оцѣнено Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, присудившимъ ему въ годичномъ засѣданіи Общества, 15 октября 1896 г., *большую* серебряную медаль.

Вс. Миллеръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

О ПОРТРЕТѢ ГР. Н. П. РУМЯНЦОВА.

(См. табл. I)

Помѣщенное въ началѣ настоящаго изданія изображеніе графа Н. П. Румянцова имѣетъ слѣдующую исторію.

Генералъ-майоръ Христофоръ Карловичъ Шлегель, живущій въ Гроднѣ, принесъ въ началѣ 1897 г. въ даръ музею превосходный миніатюрный портретъ графа Николая Петровича Румянцова, доставшійся ему отъ его матери, Анны Николаевны Шлегель, рожденной Ильбаевой, которой графъ Румянцовъ приходился крестнымъ отцомъ.

Портретъ принадлежитъ кисти извѣстнаго художника Стрели (Straely Eduard), родившагося въ Дюссельдорфѣ около 1770 г. Въ ранней молодости онъ прибылъ въ Англію, гдѣ усвоилъ тамошнюю манеру миніатюрной живописи. Впослѣдствіи онъ посѣтилъ Италію. Во время коронаціи императора Павла Стрели пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ сумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе своею важною внѣшностью и мягкою манерой письма. Онъ имѣлъ отличный, но не достаточно выработанный талантъ и писалъ чрезвычайно легко и быстро. Между прочимъ, онъ написалъ въ Петербургѣ сцены изъ жизни Петра Великаго на четырехъ мѣдныхъ доскахъ и Гебу, кормящую орла. При восшествіи на престолъ Александра I, Стрели долженъ былъ оставить Петербургъ, послѣ чего снова вернулся въ Лондонъ и, наконецъ, переѣхалъ въ Вѣну. Въ старости онъ, главнымъ образомъ, рисовалъ портреты и такъ дорого цѣнилъ свою работу, что былъ доступенъ лишь очень богатымъ людямъ. Отличительный признакъ его миніатюръ тотъ, что онѣ рисованы черточками, тогда какъ большинство миніатюристовъ работали пунктиромъ.

Портретъ, принесенный въ даръ музею, рисованъ на слоновой кости, въ овалѣ; высота портрета 3 дюйма, ширина — $2^1/_2$ дюйма. Изображеніе грудное, лицо повернуто въ $^3/_4$ влѣво. Румянцовъ одѣтъ въ сѣровато-фіолетовый кафтанъ съ Андреевскою звѣздой и лентой (пожалованъ въ 1798 г.) и въ кружевное жабо. Волосы напудрены.

Портретъ писанъ, вѣроятно, въ Петербургѣ, куда Румянцовъ вернулся, въ концѣ 1796 г., изъ своего посольства во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и во всякомъ случаѣ не позднѣе года восшествія на престолъ Александра I, когда Стрели выѣхалъ изъ Петербурга. Сравнительно еще молодое лицо графа Румянцова на портретѣ также говоритъ въ пользу этого предположенія.

С. Щуровъ.

О ДНѢ РОЖДЕНІЯ КАНЦЛЕРА ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦОВА[1]).

Біографическія свѣдѣнія о графѣ Н. П. Румянцовѣ страдаютъ несогласіемъ указанія на годъ его рожденія и отсутствіемъ данныхъ о днѣ, въ который онъ родился. Въ біографіи графа, составленной А. Терещенко [2]), годомъ его рожденія указанъ 1753 годъ, а въ Русской родословной книгѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго [3]) и въ матеріалахъ для Русскаго Біографическаго Словаря П. Н. Петрова [4]) время его рожденія опредѣляется 1754 г. Второе опредѣленіе года вполнѣ подтверждается автобіографіею графа Сергѣя Петровича Румянцова, который родился въ 1755 г., 11 мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія его брата канцлера [5]). Генеалогія рода Румянцевыхъ совсѣмъ пропущена въ Россійской родословной книгѣ князя П. Долгорукаго (СПБургъ, 1854 — 1857) и въ Родословномъ Сборникѣ В. В. Руммеля и В. В. Голубцова (СПБургъ, 1886—1887).

Въ нашемъ недоумѣніи мы принуждены, согласно указанію князя Лобанова, остановиться на 1754 годѣ рожденія графа, но все-таки не находимъ въ названныхъ источникахъ свѣдѣній о днѣ и мѣсяцѣ рожденія. Только при содѣйствіи хранителя отдѣленія рукописей въ Румянцовскомъ Музеѣ, С. О. Долгова, намъ удалось рѣшить этотъ послѣдній вопросъ на основаніи слѣдующихъ указаній, затерянныхъ въ объемистой перепискѣ графа съ московскими учеными, изданной Е. В. Барсовымъ по поводу пятидесятилѣтія Румянцовскаго Музея [6]). Въ письмахъ Румянцова къ А. Ѳ. Малиновскому, писанныхъ въ 1819, 1820 и 1825 годахъ, графъ имѣлъ случай три раза благодарить своего корреспондента за поздравленія со днемъ своего рожденія. Въ двухъ изъ этихъ писемъ, отъ 5 апрѣля 1820 г. и 7 апрѣля 1825 г. [7]), мы находимъ слѣдующія фразы. Въ первомъ: «съ чувствомъ достодолжной и особенной благодарности получилъ я письмо, каковымъ меня удостоить изволили по *случаю воспоминанія дня моего*

---

[1]) Перепечатано изъ журнала: «Русская Старина» 1897 г., мартъ, стр. 573—575.

[2]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, С.-Петербургъ, 1837 г., ч. II, стр. 228.

[3]) Первое изданіе, безъ имени составителя, относится къ 1873 г., второе, съ обозначеніемъ имени князя Лобанова, вышло въ 1895 г.

[4]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 62, С.П.Бургъ, 1888 г.

[5]) Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 841.

[6]) Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1882 г., кн. I.

[7]) Чтенія, стр. 145 (№ 157) и стр. 317—318 (№ 361).

рожденія и т. д.»; во второмъ: «пріимите сами и свидѣтельствуйте, пожалуйте, милостивой государынѣ моей Аннѣ Петровнѣ и любезнѣйшей Катеринѣ Алексѣевнѣ [1]) искреннюю мою благодарность *по случаю дня моего рожденія*». Эти документы только приближаютъ насъ къ рѣшенію вопроса и заставляютъ предполагать, что Румянцовъ долженъ былъ родиться въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Почта между Москвою, откуда писалъ Малиновскій, и Петербургомъ, гдѣ жилъ тогда Румянцовъ, шла не менѣе трехъ или четырехъ дней, слѣдовательно поздравленіе, полученіе котораго пріурочивалось къ самому дню рожденія графа, должно было быть отправлено заблаговременно, а отвѣтъ могъ слѣдовать не тотчасъ же, не въ самый день полученія поздравительнаго письма. Но въ третьемъ мѣстѣ переписки мы находимъ вполнѣ точное разрѣшеніе интересующей насъ загадки. 3 *апрѣля* 1819 г. Румянцовъ начинаетъ свое письмо къ Малиновскому слѣдующими словами: «*Я въ самый день рожденія своего благодарю Васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 27 марта*, и въ которомъ упомянули *о таковомъ* днѣ столь благосклонно; *я дивлюсь, что Вашему Превосходительству сіе число было извѣстно* [2]). При невозможности дальнѣйшаго сомнѣнія днемъ рожденія графа Н. П. Румянцова надо признать *3 апрѣля 1754 г.* Только что приведенныя изъ изданія Е. В. Барсова цитаты, къ сожалѣнію, въ печатномъ подлинникѣ, отличаются неисправленною опечаткой, и письмо помѣчено не апрѣлемъ, а 3 августа, что повторено и въ хронологическомъ оглавленіи на стр. III. Но наличность опечатки доказывается слѣдующими доводами: во-1-хъ, располагая переписку въ строго хронологическомъ порядкѣ, издатель не могъ вставить письма, помѣченнаго августомъ, между мартомъ и апрѣлемъ; во-2-хъ, при аккуратности переписки графа Румянцова, онъ не былъ способенъ оставить безъ немедленнаго отвѣта поздравленіе Малиновскаго отъ 27 марта и отложить его до августа, и, въ-3-хъ, предположеніе объ опечаткѣ вполнѣ подтверждается двумя другими письмами 1820 и 1825 гг.

Отецъ канцлера, фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій, женатый въ 1748 г. на княжнѣ Е. М. Голицыной, имѣлъ первымъ сыномъ Михаила, годъ рожденія котораго неизвѣстенъ, вторымъ Николая (род. 3 апрѣля 1754 г.) и третьимъ Сергѣя (род 17 марта 1755 г.) [3]). Дочерей у фельдмаршала не было, иначе кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій не пропустилъ бы упоминанія о нихъ.

Исполняя настоящею замѣткою долгъ признательности къ памяти основателя Румянцовскаго Музея, мы вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся послужить цѣлямъ Русскаго Біографическаго Словаря, возстановляя пропускъ въ составленныхъ для него П. Н. Петровымъ матеріалахъ.

---

[1]) Анна Петровна — жена Малиновскаго, Катерина Алексѣевна — дочь его.

[2]) Чтенія, стр. 111 (№ 118).

[3]) Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, изд. II, А. С. Суворина, СПБ. 1895 г., т. II, стр. 188.

Оглавленіе.

Стр.